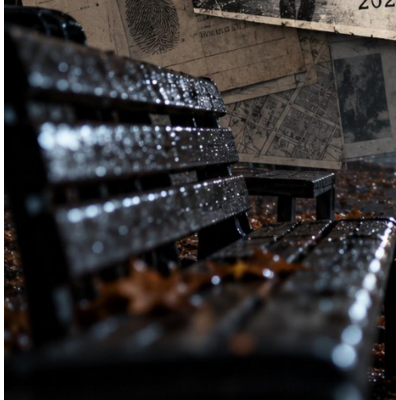

НЕНАЙДЕННЫЕ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Ненайденные

<https://litres.ru/74667382>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десятилетний Кирилл Давыдов бесследно исчезает после футбольной тренировки в Москве. Последняя камера наблюдения фиксирует, как мальчик выходит на улицу. Дальше его след обрывается.

Следователь Алексей Воронцов замечает на фотографии, сделанной за несколько дней до исчезновения, незнакомого мужчину. Обычное лицо. Неприметная одежда. Ничего подозрительного.

Пока похожего человека не обнаруживают на снимке из другого дела. Восьмилетней давности.

А затем — ещё на одном. Сделанном несколько десятилетий назад.

Разные города. Разные дети. Один и тот же незнакомец.

И ни одного найденного ребёнка.

Чем глубже Воронцов погружается в расследование, тем очевиднее становится: кто-то десятилетиями скрывает страшную тайну. И некоторые ответы лучше бы никогда не находить.

«Ненайденные» — криминальный триллер о преступлениях, у которых нет срока давности, и прошлом, которое однажды обязательно возвращается.

Марк Вельский

Ненайденные

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КИРИЛЛ

Глава 1

Десять минут

В 20:07 Ольга написала сыну:

«Ты там жить остался?»

Сообщение доставилось. Она положила телефон на пассажирское сиденье и убавила печку. От жары пересохли губы, а если открыть окно, сразу начинало тянуть мокрыми листьями и чужими сигаретами.

Тренировка закончилась семь минут назад.

Обычно Кирилл выходил последним. Все дети как-то справлялись с переодеванием, а её сын всякий раз словно впервые обнаруживал, что после футбола нужно надеть штаны. То забывал, в каком кармане ключ от шкафчика, то начинал спорить, кто кому не отдал пас, то уходил в туалет уже в куртке и возвращался без мешка с бутсами.

Сегодня она попросила его не задерживаться.

В девять должен был приехать мастер посмотреть посудомойку. Мастер предложил промежуток с девяти до одинадцати.

дцати вечера, и Ольга согласилась с такой благодарностью, будто он собирался пересадить ей сердце.

Через лобовое стекло были видны боковая стена спорт-комплекса и пять ступенек у входа. До них отсюда нельзя было пройти напрямую: между парковкой и зданием тянулось ограждение, которое заканчивалось за углом. Нужно было выйти из комплекса, повернуть направо и обойти клумбу. Кирилл знал дорогу. Второй год ходил.

Из дверей появились двое мальчишек. Один без шапки, второй на ходу запихивал что-то в рот. Ольга узнала Даню из их группы и подалась вперёд, ожидая, что следом выйдет Кирилл.

Дверь закрылась.

Она взяла телефон. Сын ещё не прочитал сообщение.

В родительском чате обсуждали воскресный матч. Кто-то опять спрашивал адрес, хотя адрес был закреплён. Потом пришла фотография потерянной перчатки. На фотографии перчатка лежала на тренерской ладони, чёрная, с облезлой серебряной полоской.

Не их. Их Кирилл потерял во вторник.

Ольга набрала: «Кирилл ещё в раздевалке? Кто рядом, поторопите его, пожалуйста».

На часах было 20:09.

Она позвонила.

Длинные гудки. В стекле отразилось её лицо, освещённое экраном. Она отвернулась к входу.

— Ну возьми трубку.

Гудки закончились.

Ольга снова нажала на зелёный значок, хотя понимала, что за две секунды ничего не изменилось.

Утром Кирилл спросил, может ли акула утонуть.

Она резала ему яблоко и одновременно читала рабочее сообщение.

— Она же рыба.

— И что?

— Ничего. Не знаю, Кирилл.

Он вздохнул с таким видом, словно опять остался единственным образованным человеком в семье. Потом объяснил что-то про жабры и воду, которую надо всё время пропускать. Она пообещала послушать вечером. Он потребовал уточнить, каким именно вечером.

«Сегодня», — сказала она.

Теперь он наверняка объяснял про акул кому-нибудь в раздевалке. Телефон лежал в рюкзаке, звук выключен. Сколько раз просила после тренировки включать.

Она заглушила двигатель.

На улице оказалось холоднее, чем выглядело из машины. Ольга застегнула куртку под горло, обошла ограждение и поднялась по ступеням.

В холле пахло кофе из автомата и влажной спортивной одеждой. За стойкой сидела девушка с длинными светлыми ногтями. Рядом мужчина в рабочей куртке спорил насчёт

абонемент в бассейн.

— Я за Давыдовым. Кирилл, футбол, младшая группа.

— Вторая раздевалка по коридору.

— Он ещё там?

Девушка посмотрела в сторону коридора.

— Должен быть. Они недавно закончили.

Ольга прошла мимо стойки. Из-за первой двери глухо ударял мяч. Во второй раздевалке за приоткрытой дверью разговаривали.

— Кирилл, давай быстрее!

Ответил незнакомый мальчик:

— Здесь нет Кирилла.

Ольга постучала костяшками по двери и заглянула внутрь.

На скамейке сидел крупный мужчина и застёгивал куртку сыну. У дальней стены мальчик в красной толстовке искал что-то под шкафчиками. На полу валялась смятая обёртка, в открытом шкафчике висела одинокая пластиковая вешалка.

Кирилла не было.

— Давыдов ушёл, — сказал мальчик в красном. — Он уже оделся.

— Давно?

— Не знаю.

— А тренер где?

— В зале.

Ольга отступила, пропуская мужчину с ребёнком.

Они разминулись. Конечно. Пока она шла сюда, Кирилл

вышел и теперь стоит у машины, дёргает ручку и возмущается, почему её нет.

Она развернулась и быстро пошла обратно.

У стойки девушка сказала ей вслед:

— Нашли?

— Наверное, мимо прошли.

У машины никого не оказалось.

Ольга обошла её с другой стороны. Заглянула между соседними автомобилями, как будто девятилетний мальчик мог спрятаться в узком просвете, чтобы не заметить мать.

Она позвонила ещё раз.

Из комплекса вышла женщина с маленькой девочкой за руку. Девочка перешагивала через трещины в асфальте. Ольга смотрела на них и слушала гудки.

20:14.

В родительском чате ответили: «Мы уже уехали».

Следом: «Спросите Павла».

Павел Андреевич был в дверях зала, с телефоном у уха. Увидев Ольгу, он коротко сказал собеседнику «сейчас перезвоню».

— Кирилл телефон забыл?

— Я его найти не могу. Вы его отпускали?

Тренер нахмурился.

— Они переодевались. Он сказал, что вы приехали.

— Я приехала. Я на парковке стояла.

— Вот, он и пошёл к вам.

Ольга ждала продолжения. Чего-нибудь ещё, что объяснило бы, куда именно он пошёл.

— Вы видели, как он выходил?

— Из раздевалки — да.

— Один?

— Там ещё ребята были. Сейчас.

Павел Андреевич открыл чат и начал кому-то звонить.

Ольга опять заглянула в раздевалку. Мальчика в красном уже не было. Она прошла до конца, открыла дверь в душевую, позвала сына. Потом толкнула соседнюю дверь со значком туалета.

— Кирилл?

Из кабинки ответил мужской голос:

— Занято.

Она вернулась в холл.

— Он мог к магазину пойти? — спросила администратор.
— Тут дети иногда после занятий ходят. В доме напротив, круглосуточный.

— Нет, — сказала Ольга.

И тут же подумала, что мог.

В понедельник он просил кислые ленты. Она отказала: дома лежала открытая пачка печенья, к которой он неделю не прикасался. Денег при нём вроде не было, но отец иногда давал наличные, а Кирилл прятал их в чехол телефона.

Ольга выбежала на улицу.

До магазина пришлось пройти вдоль дома и через проезд.

Под ногами хлюпала вода. У входа стояли два курьера с велосипедами.

— Мальчик к вам не заходил? Девять лет, синяя куртка, рюкзак серый, футбольный мяч сбоку нарисован.

Продавщица посмотрела поверх очков.

— Заходили дети.

Ольга открыла фотографию. Кирилл сидел за кухонным столом, придерживая подбородком слишком длинную макароны. Другой снимок искать было некогда.

— Вот этот.

Продавщица поднесла экран к лицу.

— Не помню. Не буду врать.

— А посмотреть можно? По камере?

— У меня доступа нет. У хозяина.

— Позвоните ему, пожалуйста.

Продавщица посмотрела на неё внимательнее и взяла свой телефон.

Ольга вышла, не дождавшись ответа. Ей казалось невозможным стоять на одном месте. Нужно было вернуться к машине: вдруг он всё-таки там.

По дороге она набрала бывшего мужа.

Он ответил не сразу. На заднем плане громко работал телевизор.

— Да?

— Кирилл с тобой?

— Нет. А что?

— Ты его не забирал?

— Оль, я дома.

— Может, вы договорились, а я не знаю.

— Мы не договаривались. Что случилось?

— Он вышел с тренировки. Я его жду, а его нет.

Телевизор замолчал.

— Как нет?

— Так. Я в раздевалке была. И у магазина.

— Ты ему звонила?

— Думаешь, я не догадалась?

Она зажмурилась.

— Прости. Звонила. Не берёт.

— Я еду.

— Может, он тебе писал? Посмотри.

— Сейчас посмотрю. Я еду, Оль.

У машины стоял Павел Андреевич.

— Здесь нет? — спросил он.

Ольга покачала головой.

Он посмотрел на парковку, потом на дорогу.

— Давайте я с той стороны обойду. Там ещё площадка за зданием.

— Он туда не ходит.

— Я всё равно посмотрю.

Она хотела сказать: зачем смотреть там, где он не ходит?

Но тренер уже бежал, придерживая телефон в руке.

В 20:21 Ольга набрала 112.

Когда её спросили, что случилось, она сказала:

— У меня ребёнок пропал.

И впервые слышала это целиком.

До сих пор он задерживался, забыл включить звук, вышел не туда. Теперь пришлось назвать адрес и сказать, сколько ему лет. Оператор задавал вопросы, а она отвечала и одновременно смотрела на дверь комплекса.

Сейчас выйдет.

Не из той двери, так из-за угла. С мешком на одном плече, с расстёгнутой курткой. Скажет: «Да я тут был», — и не поймёт, почему она кричит.

— Синяя, — повторила Ольга. — Тёмно-синяя куртка. Шапка серая.

Шапка была чёрная.

Она поправилась.

— Чёрная. Простите. Чёрная, на ней маленькая нашивка.

— Что на нашивке?

Она не могла вспомнить.

Шапку покупала сама. Поправляла на нём час назад, когда привезла. Убирала за ухо край, который загибался.

— Не знаю. Горы, кажется.

Её попросили оставаться на месте и держать телефон свободным.

В холле администратор уже стояла. Мужчина с абонементом исчез. Из-за стойки вышел охранник, невысокий, с седой щетиной.

— Везде посмотрим, — сказал он. — Вы фотографию покажите.

Ольга снова открыла макаронину.

— Есть нормальная, — сказала она. — Подождите.

Палец скользил по экрану. Кот у сестры. Скриншот квитанции. Кирилл спиной. Кирилл с ладонью перед лицом. Опять квитанция.

Нашлась фотография с сентябрьского матча. Он стоял боком, щурился на солнце, под мышкой держал мяч.

— Вот.

— Перешлите, — попросила девушка.

Девушка продиктовала номер. Ольга дважды сбилась и в конце просто отдала ей телефон.

Охранник говорил по рации. В ответ что-то трещало.

Из коридора вышла уборщица с ведром.

— В туалетах нет, — сказала она. — Наверху тоже гляну.

Ольга посмотрела на часы над стойкой. Они показывали 20:19. Её телефон — 20:27.

— У вас часы отстают.

Администратор подняла голову.

— Да. Батарейку всё не поменяют.

— Ясно.

Зачем она это сказала? Какая разница, что у них с батареей?

Она открыла переписку с сыном.

Последнее сообщение от него пришло в 18:42, перед тре-

нировкой.

«Не забудь форму постирать».

Она тогда ответила: «Может, ещё погладить?»

Он прислал улыбающуюся какашку.

Ольга нажала на фотографию в его профиле. Там был не он, а зелёное существо из игры, названия которой она не помнила. Хотела позвонить снова, но вспомнила, что просили держать линию свободной.

— У вас камеры есть? — спросила она.

— Есть, — ответил охранник. — Сейчас посмотрим.

— На улицу?

— На вход.

— Посмотрите, пожалуйста.

Он завёл её в маленькую комнату за стойкой. Там стояли электрический чайник, открытая пачка сушек и монитор, разделённый на квадраты. На одном Ольга увидела холл и собственную сумку на стуле.

Охранник взялмышь, открыл окно с датой.

— Во сколько закончили?

— В восемь.

— Так.

Он выставил время. На экране люди задвигались быстрее. Ольга увидела мальчиков, женщину с объёмным пакетом, мужчину, придерживавшего дверь ногой.

— Медленнее можно?

— Сейчас.

В комнату заглянула администратор.

— Павел вернулся. Там нет.

Охранник кивнул, не оборачиваясь.

Ольга стояла, упершись ладонями в край стола. Пачка сушек мешала, и она осторожно отодвинула её, чтобы ничего не просыпать.

На записи открылась дверь.

— Вот.

Охранник остановил изображение.

— Этот?

— Да.

Кирилл стоял на верхней ступеньке. Серый рюкзак висел на левом плече, мешок с формой он держал в правой руке. Чёрная шапка была надета криво. Из-под куртки торчал край зелёной толстовки.

Белые цифры в углу показывали 20:03:18.

— Пустите дальше.

Он спустился. Поправил рюкзак, перехватил мешок и повернул направо, в сторону парковки.

Через несколько шагов вышел за край изображения.

— А следующая камера?

Охранник помолчал.

— Там нет.

— На парковке?

— У нас только вход. Может, на доме есть. Это полиция посмотрит.

— Назад включите.

Он отмотал.

Дверь открылась. Кирилл появился на ступеньке, снова поправил рюкзак.

Ольга узнала движение: лямка сползала, потому что он упорно носил его на одном плече. Оба плеча занимают только первоклашки. Это он объяснил ей в сентябре.

— Ещё раз.

Охранник включил запись сначала.

Кирилл вышел.

Спустился.

Повернул направо.

В 20:03 Ольга сидела в машине за углом. В сумке у неё лежал банан, который она взяла ему после тренировки. По радио обсуждали, когда в Москве выпадет первый снег.

От ступенек до машины Кирилл обычно доходил меньше чем за минуту.

Она смотрела на пустой участок экрана, где он только что был.

— Дальше, пожалуйста, — сказала она.

Охранник не трогал мышь.

— Запись идёт.

Глава 2

Свободная линия

Отец Кирилла приехал раньше полиции. Ольга увидела

его через стекло, вышла из комнаты охраны и остановилась. Он шёл быстро, с ключами в кулаке. Ей захотелось сказать, что ничего не случилось: ошибка, она всех зря подняла.

— Запись есть, — сказала она вместо этого.

Антон посмотрел запись стоя. Потом попросил повторить — теми же словами, что и она.

Когда приехали полицейские, их рассадили. Молодой сотрудник остался с Ольгой, другой увёл Антона к автомату с кофе. Это почему-то её задело.

— Он отец, — сказала она.

— Понимаю. Нам нужно поговорить с каждым.

Она собиралась ответить резко, но сотрудник придвинул стул и спросил, когда она видела Кирилла лично. Не на экране, не слышала по телефону. Лично.

Пришлось вернуться в начало вечера.

В 18:35 они остановились у входа. Кирилл хотел надеть бутсы ещё в машине; она не разрешила. Он сказал, что у неё всё нельзя. Потом сам попросил поправить шапку. Ольга помнила, как под пальцами шевельнулось его ухо.

Она рассказала про мастерскую, школу, маршрут. Показала сообщения. На вопрос о семейных ссорах сказала, что отношения с Антоном нормальные, и тут же поправилась: не нормальные, но о ребёнке они договариваются.

— На этой неделе спорили?

— Насчёт воскресенья. Он собирался забрать Кирилла. У них матч, я сказала, что сначала матч.

Сотрудник записал.

— Но он бы не стал, — добавила Ольга.

— Мы проверяем всех, кто мог с ним встретиться.

Она кивнула. Ей хотелось, чтобы он проверял быстрее, а не объяснял.

Телефон завибрировал. Мастер сообщил, что задерживается и будет ближе к десяти.

Ольга смотрела на сообщение, не понимая, что нужно написать человеку, который всё ещё едет чинить посудомойку.

Полицейский тихо попросил у неё фотографию в полный рост.

Она написала мастеру: «Не приезжайте». Он ответил почти сразу: «Тогда на следующую неделю».

Следующая неделя представлялась ей совершенно невозможным местом. До неё надо было прожить эту ночь, а Ольга не знала, что делать даже в ближайшие пять минут.

В холл вернулся тренер. Рукав толстовки у него был мокрым до локтя. Он обошёл пустырь за хозяйственными постройками, заглянул под навесы и теперь объяснял полицейскому, что там нет прохода: забор вдоль всей стороны, только щель внизу, кошке пролезть. Полицейский попросил показать.

— Я же только оттуда.

— Покажите, пожалуйста.

Павел Андреевич посмотрел на Ольгу. Она отвернулась. Ей было стыдно, что хочется обвинить его за один лишь го-

лос: как он мог раздражаться, если Кирилла нет? Она сама минуту назад огрызнулась на человека, спросившего, какого роста её сын.

На стойке лежал забытый мешок для обуви. Синий, с затёртыми белыми буквами. Она не могла перестать на него смотреть, хотя знала: не Кириллов. Его мешок чёрный, со светлой полосой. Ольга всё-таки встала, взяла чужую вещь и проверила внутренний ярлык.

— Это с позавчера, — сказала администратор.

Ольга положила мешок обратно.

Из раздевалки вышел полицейский с маленькой девочкой и её отцом. Девочка повторяла, что видела мальчика в синей куртке возле автобусной остановки. Ольга шагнула к ним.

— Когда? Сейчас?

Девочка спряталась за отца. Он положил ей руку на плечо и начал объяснять вместо неё. Они пришли на плавание без десяти восемь, у остановки действительно стоял мальчик, с женщиной. Или женщина просто ждала автобус. Девочка уже не была уверена.

— Без десяти восемь, — повторил полицейский. — Кирилл в это время ещё был на занятии.

— А если часы? — спросила Ольга. — Здесь часы отстают.

Она указала на стойку, словно обнаружила важную ошибку.

— Мы проверим время, — сказал он.

Девочка смотрела на неё с испугом. Ольга присела.

— Спасибо тебе.

Ей захотелось обнять чужого ребёнка, но она вовремя остановилась. Отец увёл дочь к выходу. В дверях та оглянулась.

Ольга поняла, что уже стала женщиной, от которой взрослые стараются увести детей.

К десяти в холле появились люди в куртках поискового отряда. Они разговаривали негромко, сверяли карту в телефоне. Один попросил описать подошву Кирилловых кроссовок.

Кроссовки новые, куплены в субботу. Белые с оранжевым. Ольга нашла заказ в приложении магазина и показала экран. За это она вдруг почувствовала благодарность к самой себе: хоть что-то могла сообщить точно.

Антон подошёл и поставил возле неё бутылку воды.

— Дома нет, — сказал он. — Соседка сходила. И у моей мамы нет. Она ему не звонила.

— Он бы позвонил, если бы пошёл к ней.

— Знаю.

— Он всегда звонит.

Антон сел рядом. Они давно не сидели так близко.

Ольга отпила воды и только тогда поняла, что весь вечер держала во рту жвачку. Вкус исчез. Она завернула её в бумажный платок и не нашла, куда выбросить.

Один из поисковиков подошёл уточнить, не называли ли

Кирилла иначе. Ольга решила, что речь о фамилии, и сказала, что фамилию не меняли. Мужчина объяснил: когда зовут дома, на площадке. На что он отзовётся.

— Кирюха, — ответил Антон.

Ольга посмотрела на него.

— Только ты так называешь.

— Он отзывается.

Поисковик записал оба варианта. Попросил передать, есть ли у ребёнка особенности слуха или речи, может ли он испугаться незнакомых и не ответить. Ольга сказала, что нет. Потом поправились: иногда он не отвечает, когда сердится. Мужчина кивнул, не придавая этому значения. Видимо, сердиться умели все дети.

Антон спросил, можно ли идти с ними.

— Сейчас лучше оставайтесь здесь. Если понадобится, позовём.

— Я не могу просто сидеть.

— Понимаю. Но если ребёнок вернётся к комплексу, кто-то из родителей должен быть здесь. И телефон держите включённым.

— Ольга останется.

Он уже встал. Мать знала этот взгляд: сейчас начнёт спорить о способе помочь, потому что никто не даёт задачи, которую можно выполнить руками. Она сама чувствовала то же самое. Им предлагали воду, стул, ожидание. За дверью люди расходились по дворам, и каждый шаг казался полез-

нее любого их ответа.

Поисковик посмотрел на полицейского. Тот попросил Антона задержаться: нужно уточнить ещё несколько вещей. Антон выругался вполголоса и остался.

К одиннадцати в холле стало тише. Посетители разошлись, автомат с кофе перестал мигать после того, как уборщица нечаянно выключила удлинитель. Администратор должна была уйти в десять, но сидела на прежнем месте. Ей звонили из дома. Она ответила, что задержится, и больше не объясняла.

Ольга заметила на её экране маленького ребёнка в пижаме. Девушка перевернула телефон. Раньше Ольга решила бы, что та слишком молода для своих светлых ногтей и равнодушного голоса. Сейчас ей стало стыдно за это ничем не заслуженное мнение.

— У вас сын? — спросила она.

— Брат. Младший.

— А.

— Мама спрашивает, когда я вернусь.

Ольга хотела сказать: идите. Но не смогла. Каждое уходящее лицо уменьшало число людей, которые помнили Кирилла в этот вечер.

Девушка спросила, не нужно ли зарядное устройство. Принесла из сумки длинный белый провод, сама нашла свободную розетку. Ольга села так, чтобы видеть экран телефона, и впервые за несколько часов обнаружила, что у неё за-

текли ноги.

Чуть позже сотрудник попросил вещь, которую Кирилл недавно носил. Не куртку из шкафа, не новую футболку — то, что было на нём сегодня и ещё не попало в стирку.

— Школьная рубашка дома, — сказала Ольга. — На стуле. Мы заехали переодеться.

— Кто может привезти?

Антон потянулся за ключами. Ольга перехватила его руку.

— Ты не знаешь, какая.

— Белая.

— Они все белые.

Она услышала, как это прозвучало. Будто они опять спорили перед школьной линейкой, а не выбирали, кто из них отправится в квартиру, где сын несколько часов назад растегнул пуговицы и бросил одежду, уверенный, что вернётся.

Сотрудник предложил позвонить соседке. Ольга уже собиралась набрать номер, но Антон сказал:

— Там моя мать недалеко. Я попрошу её. Ты объяснишь.

Его мать не любила Ольгу. После развода говорила с ней только о ребёнке и всегда через полсекунды после того, как следовало ответить. Сейчас взяла трубку сразу.

— Где он?

Ольга объяснила про рубашку. Назвала стул, комнату, верхнюю полку в прихожей, где лежал запасной ключ у соседки. Бывшая свекровь переспросила, какую взять сумку.

Сотрудник тихо подсказал. Ольга передала. Женщина по-

вторила всё вслух, как когда-то повторяла назначения врача после Кирилловой пневмонии.

— Я сама ему не позвоню, — добавила она. — Антон сказал, телефон не занимать. Ты, если что, мне...

— Да.

— Я не сплю.

— Я поняла.

Ольга отключилась и обнаружила, что всё ещё держит Антона за рукав. Убрала руку.

Тот смотрел на полицейского.

— А в его вещи вы будете смотреть? В комнате?

— Если потребуется, да.

— Я к тому, что он записывает всякое. У него блокнот есть.

Ольга повернулась к нему. Про блокнот она не знала.

Антон объяснил: на прошлых выходных они ходили в магазин электроники. Кирилл хотел наушники с подсветкой, стоили они неприлично много. Отец предложил накопить половину. Сын записал план: сколько осталось от дня рождения, сколько можно попросить за мытьё машины, какие старые игрушки продать. Антон запретил продавать подарки бабушек. Они поссорились. Потом Кирилл спросил, возьмут ли девятилетнего на работу раздавать листовки.

— Он мог пойти зарабатывать? — спросила Ольга.

— Оль, я поэтому и говорю.

Сотрудник попросил рассказать подробнее. Где ходили, с

кем говорил ребёнок, дал ли ему кто-нибудь номер. Антон достал телефон, нашёл название магазина, показал переписку. Никто Кириллу работы не предлагал. Наушники обещали обсудить в воскресенье. Речь шла о мечте, которой девятилетний мальчик придавал вид делового плана.

— А ты почему мне не сказал?

— Про наушники?

— Что он ищет работу.

Антон открыл рот и закрыл. Они оба поняли, как легко сейчас принять каждое нерассказанное событие за оставленную без присмотра дверь.

Полицейский попросил не разыскивать блокнот самим. Если мать Антона ещё в пути, пусть привезёт только одежду. О комнате поговорят отдельно. Антон позвонил ей и повторил. На этот раз Ольга не подсказывала.

Вскоре он показал ей сообщение сына: фотография наушников, ниже — «ты только не покупай сам». Кирилл хотел именно накопить. Ольга увеличила картинку и увидела нелепые светящиеся кошачьи уши на ободке.

— Он сказал, это не уши, — предупредил Антон. — Это какая-то эмблема.

Ольга неожиданно рассмеялась. Один короткий звук, после которого сжалось горло. Антон не улыбнулся, но придвинул телефон ближе, чтобы она могла прочесть всю переписку.

Когда привезли рубашку, Ольга хотела взять её в руки.

Сотрудник остановил, не касаясь её локтя. Она отступила. Рукав просвечивал сквозь пакет; на манжете было фиолетовое пятно от ручки. Она заметила его утром и забыла сказать сыну.

Бабушка осталась стоять посреди холла в расстёгнутом пальто. Антон подвёл её к стулу, а Ольга записала на обороте чека название магазина, цену наушников и всё, что только что узнала. Потом отдала полицейскому. Тайны сына оказались маленькими. Она всё равно обязана была передать их тому, кто мог найти его по ним.

Бабушка спросила, кому ещё позвонить. Антон начал перечислять родственников; на третьем имени Ольга перебила: всем уже сообщили, теперь все звонят снова. Женщина выслушала, достала свой телефон.

— Тогда я им отвечать буду. Пусть мне звонят.

Ольга показала последнюю официальную ориентировку. Попросила не добавлять к ней ничего своего, даже если очень хочется объяснить. Бабушка несколько секунд читала, потом переслала и написала от себя только номер для семейных вопросов.

Первой ответила Ольгина сестра. Они со свекровью прежде не разговаривали без необходимости. Теперь договорились, кто привезёт одежду, кто отвезёт бабушку, кто подождёт дома. Ольга слушала, как рядом возникают небольшие дела, которые можно поручить, и впервые не пыталась выполнить каждое сама.

Из-за окна донёлся голос: «Кирилл!» Затем другой, дальше: «Кирилл!»

Она встала.

Звали по очереди. Один человек возле проезда, другой за зданием, третий там, где начинались дворы. Потом наступала пауза. Все ждали ответа.

Ольга прижала ладонь к стеклу. Ей хотелось крикнуть самой, своим голосом, который он узнает. Она вышла в холл, открыла дверь и услышала очередное «Кирюха!».

Собственное имя сына, произнесённое чужим мужчиной, почему-то оказалось невыносимым.

Ольга спустилась на одну ступеньку.

— Кирилл!

Голос прозвучал тонко и совсем не так, как дома. Она набрала воздуха и позвала ещё раз. Кто-то с проезда ответил ей, попросил не отходить. Она вернулась под козырёк и осталась там, пока полицейский не вышел за ней.

— Нужно уточнить по телефону, — сказал он.

— Что?

— Пароль. Учётную запись. Что вы знаете.

Она сразу пошла следом. Наконец появилась задача. Пароль она не помнила, зато знала, где его записала: в заметках рядом с кодом от домофона у матери. Пока искала, наткнулась на список продуктов. В последней строке стояло «йогурт Кириллу, без кусочков».

Ольга нашла пароль и продиктовала. Попросили повто-

ритель. Она повторила без ошибки.

Когда полицейский ушёл, Антон вернулся на соседний стул. Ему так и не разрешили уйти с поисковой группой. Он сидел, глядя на собственные ладони.

— Они там все дворы знают? — спросил он.

— Не знаю.

— Я могу показать, где он с ребятами играет.

— Ты уже показал на карте.

Он кивнул. Через минуту спросил то же самое другими словами. Ольга хотела прикрикнуть, но поняла, что сама каждые несколько минут открывает переписку с сыном. У каждого была своя работа, которая не меняла ничего.

Телефон лежал между ними экраном вверх. Линия была свободна.

Глава 3

Последняя точка

Алексею Воронцову позвонили в 23:46, когда он стоял у кассы круглосуточного магазина. Перед ним женщина пересчитывала мелочь. Алексей оставил корзину у стены, вышел и через двадцать минут был у спорткомплекса.

Николай Савельев встретил его у служебного входа. Под глазами у него обозначились две припухшие полосы.

— Мальчик девять лет. Вышел в двадцать ноль три. До машины матери не дошёл. Телефон пока не нашли. Окрестности смотрят.

— Кто последний говорил?

— Тренер. Мать на месте с восемнадцатью тридцати, отъезжала, вернулась без двух восемь. На парковке подтвердили. Отец дома, предварительно подтверждается. Версии по семье не закрываем.

Алексей прошёл путь от двери к машине. На повороте рос раскидистый куст, нижние ветки которого были обломаны. За ним начинался проезд к техническим воротам. Автомобиль на этом участке с материнского места не просматривался.

Он остановился, не заходя на газон.

— Здесь уже проходили?

— Сначала родители. Потом охрана, — ответила женщина за его спиной. — Собаке тоже привезли на выбор половину Москвы.

Она представилась Мариной Зиминной. Оперуполномоченный, уголовный розыск. Алексей знал её по другому делу: помнил, как она за два часа разговорила свидетеля, которого он целый день только раздражал.

— След есть? — спросил он.

— Есть место, где ребёнка видели. Остальное пока наши желания.

У технических ворот в луже лежал окурок. Марина показала на него, прежде чем Алексей успел спросить:

— Охранник. Узнал собственный бренд, очень обрадовался. Всё равно забрали.

Воронцов попросил схему камер и списки присутствовавших. Тренировка шла параллельно с занятиями в бассейне; через здание за вечер прошли десятки людей. В журнал подрядчиков охрана вносила фамилии выборочно. Видеозаписи у соседних домов были, но общего обзора не давали.

Савельев разложил задачи между приехавшими. Семью опрашивали отдельно, записи сохраняли, родители группы получали звонки. Никто не предлагал ждать до утра.

В комнате охраны Алексей попросил запустить запись с половины восьмого. На экране сорокалетний мужчина в резиновых шлёпанцах вернулся за забытой сумкой, двое подростков купили напитки, уборщица отодвинула ногой коврик. После каждого движения дверь возвращалась в прежнее положение. Никакой разницы между последними минутами обычного вечера и первыми минутами исчезновения не было.

Охранник всё время наклонялся к монитору.

— Я не здесь сидел. У нас вызов был наверху. Тоже ребёнок, упал.

— Я пока не спрашивал, где вы сидели.

— Все спрашивают.

— Тогда скажите один раз точно. Упал во сколько?

Охранник назвал время, Алексей попросил подтвердить его по вызову. Оказалось, происшествие случилось на двенадцать минут раньше, чем тот помнил. К выходу Кирилла охранник уже вернулся, но прошёл в туалет. Ему было

неловко говорить об этом, и он объяснял свои перемещения падением другого ребёнка.

— Это тоже напишите? — спросил он.

— Да.

— Что я в туалет пошёл?

— Что вы не видели вход.

Охранник сел. Алексей развернул к нему лист, предложил проверить последовательность. Мужчина читал, двигая губами, и поправил ещё одну мелочь: чай наливал до вызова, не после. Воронцов внёс исправление.

Позже Марина спросила, зачем ему чай.

— Не нужен. Ему нужно было убедиться, что можно меня поправлять.

Она посмотрела на него с неожиданным одобрением.

— Тогда спроси у тренера ещё раз про последнего ребёнка. Он сейчас старается помнить всё так, чтобы никого не бросил.

Тренер нашёлся возле автомата. Держал стакан, из которого не пил. Алексей не стал предлагать сесть.

— Павел Андреевич, когда Кирилл сказал, что мать приехала, он видел её?

— Наверное. Она всегда там встаёт.

— Он сказал «вижу»?

Тренер долго молчал. За стеной гудела вентиляция.

— Он сказал: «Я пошёл». Я спросил: «Мама приехала?» Он кивнул.

— Вы были в раздевалке?

— В дверях. У меня звонок был. Я всё равно смотрел.

— На него?

— На всех.

Алексей записал. Попросил вспомнить только то, что видел, и оставил тренера с этим вопросом. Уходя, заметил, что бумажный стакан смят посередине. Кофе медленно стекал между пальцами, а мужчина этого не замечал.

У служебного входа его остановил Савельев. Показал фотографию участка, сделанную с другой стороны ограждения.

— Мать видела верхние ступеньки. Дальше машина закрывает.

— Какая?

— Её собственная стойка, если сидишь за рулём. И соседний внедорожник. Он уехал, хозяина ищут.

Воронцов вышел ещё раз. При включённых фонарях проезд казался открытым, но стоило отойти на место материнской машины, как дорожка исчезла за кузовами. Ему не понравилось, что он сам с первого прохода воспринял двор как пустое пространство: сейчас большинство автомобилей уже разъехались.

— Нужен порядок парковки на восемь вечера, — сказал он.

Марина показала телефон.

— Собираем. У людей видеорегистраторы, фотографии, кто-то снимал ребёнка перед тренировкой. Только не все

ещё отвечают.

Они нашли белую разметку, почти скрытую мокрыми листьями. Место Ольги уточнили по разметке и её собственному описанию. На соседнем стоял тот самый внедорожник. Его водитель приехал за дочерью из бассейна и ещё не знал, что полиция ищет его как свидетеля.

Воронцов попробовал пройти путь в обычном темпе. От дверей до поворота — несколько секунд. За поворотом ребёнок уже не попадал в камеру. До машины оставалось меньше минуты. Расстояние ничего не объясняло: исчезнуть здесь можно было быстро, но он пока не знал даже, останавливался ли Кирилл.

Марина попросила его пройти ещё раз, ближе к ограде. С её точки фигура почти полностью скрылась за кустом.

— Не превращай это в готовый маршрут, — сказал Алексей.

Она подняла бровь.

— Приятно, когда ты тоже это говоришь.

У технических ворот работал эксперт. Попросил их отойти, чтобы не мешать свету. Алексей увидел на асфальте небольшой след и уже решил спросить, не подошва ли это Кирилловых кроссовок. Марина успела раньше:

— Мой. Я здесь стояла, до тебя. Сказала им.

Он отступил. Двор был полон следов людей, которые искали ребёнка. Нужно было удерживать в голове простую вещь: не всё обнаруженное после исчезновения возникло из-

за него.

Внедорожник нашли по звонку в родительский чат бассейна. Водитель ответил сонным голосом, потом быстро проснулся. Сказал, что регистратор работает только при заведённом двигателе. Обещал проверить карту и не ездить до приезда сотрудника. Через двадцать минут позвонил снова: запись есть, но объектив смотрит на бетонную стену.

Воронцов всё равно попросил сохранить её целиком. По звукам и движениям у края кадра можно было хотя бы уточнить время отъезда. Мужчина несколько раз спросил, не помешал ли он чем-то, когда парковался. Алексей сказал, что парковка сама по себе не делает его виноватым.

Положив трубку, подумал, как быстро вокруг одного пропавшего ребёнка появляется столько виноватых без преступления.

На записи действительно была стена. В начале — музыка из радио, потом разговор отца с дочерью. Девочка жаловалась, что ей попала вода в ухо. Мужчина обещал дома посмотреть. Затем в правом углу на мгновение прошёл человек с длинной спортивной сумкой. Лица не было видно, рост взрослый. Время попадало в нужный промежуток.

Марина попросила не останавливать.

Через минуту тот же человек вернулся к багажнику машины напротив. Открыл его, положил сумку, показал кому-то рукой. Движения не выглядели опасными. Они всё равно выписали номер, насколько удалось прочитать, и направление

отъезда.

Этого человека предстояло найти. Не потому, что он был похож на похитителя, а потому, что находился там, где пропал Кирилл, и мог видеть то, чего не увидела камера.

До разговора с родителями Алексей зашёл в подсобку, где начальник смены собирал документы. На полу стоял раскрытый чемодан с новогодними украшениями. Мужчина вынул из него папку и начал объяснять, что журнал посетителей находится у администратора, а этот вообще не относится к детям.

— Тогда что здесь?

— Сторонние организации. Обслуживание.

В журнале каждая страница была разлинована от руки. Дата, фамилия, время, подпись. Иногда вместо фамилии стояло «вентиляция», иногда номер телефона, иногда только «двое».

— Кто решает, кого записывать?

— Охрана.

— По каким документам?

Начальник смены разгладил загнутый угол обложки.

— Если новые — паспорт. Постоянных знают.

Алексей позвал охранника. Тот появился с таким лицом, будто его снова собирались спрашивать про туалет.

— В четверг рабочие были?

— После обеда не было.

— До обеда?

— Не моя смена.

— А эта запись?

За четверг в журнале стоял человек, проверявший пожарное оборудование. Пришёл в одиннадцать, ушёл без времени. Охранник посмотрел внимательнее и показал на подпись ниже.

— Это среда. Видите, число другое. Он со среды строку не перевёл.

Начальник смены возразил, что проверка была как раз в четверг. Они начали спорить. Алексей остановил обоих, попросил назвать, на основании чего каждый это помнит. Начальник вспомнил обед с бухгалтером; охранник — коробку запасных батареек, которую принесли вместе с проверкой. Ни обед, ни коробка пока не имели даты.

В подсобку заглянула администратор. Спросила, долго ли ещё нужна её смена: утром придёт другая девушка, можно всё передать ей. Начальник кивнул с облегчением, но Алексей попросил задержаться.

— Вы видели человека с оборудованием?

— С огнетушителями? Нет. Он до меня был.

— А откуда знаете, что был?

Девушка показала рабочую переписку. Там сообщили, что вход сзади будет открыт, просили не выпускать детей в хозяйственный коридор. Сообщение отправили в среду. В четверг проход закрывали из-за разгрузки воды для кафе. Так в журнале соединились два разных дня.

— Значит, всё, — сказал начальник смены и потянулся за папкой.

Алексей придержал край.

— Что значит «открыт»? Дверь оставляют без человека?

— Они же оборудование носят. Не бегать каждому открывать.

— А кто закрывает?

Мужчина посмотрел на охранника. Тот — на администратора.

Воронцов попросил показать проход. За стойкой открывалась обычная дверь без таблички, потом короткий коридор, лестница к служебным помещениям. Из коридора можно было попасть в холл, не проходя перед стойкой. Никакой тайной дороги тут не было: обычное удобство, которым годами пользовались уборщицы, повара, родители с тяжёлыми сумками.

— Вы думаете, он отсюда... — начал начальник.

— Кирилл вышел через главную дверь. Мы видели запись.

— Тогда зачем?

— Чтобы понять, кого мог видеть раньше.

Мужчина перестал возражать. Впервые вопрос касался не того, правильно ли работал его комплекс, а того, кому ребёнок мог перестать удивляться.

Охранник достал из кармана связку. Показал ключ от хозяйственного входа, потом второй, такой же, с красной пластмассовой головкой.

— Эти у нас. Подрядчикам не выдаём.

— Никогда?

— Ну, если на крышу надолго... Начальник разрешает. Начальник смены поднял ладонь:

— Через меня.

Его попросили вспомнить каждого, кому давали ключ за последний месяц. Он уверенно назвал двух, замолчал на третьем. Администратор нашла ещё одно сообщение: «Передайте мастеру, ключ на гвозде». Фамилии в нём не было.

К четырём часам они составили не список виновных, а перечень организаций и дней, когда посторонние могли проходить без сопровождения. Подробности нужно было подтвердить заявками и людьми. Воронцов попросил сохранить рабочий чат целиком. Начальник хотел отправить только относящиеся к ремонту сообщения, но девушка уже положила телефон на стол.

— Там мы ещё ругаемся, — сказала она. — С клиентами. Между собой.

— Мне нужны время и последовательность.

— Хорошо.

Когда они вышли, начальник смены снял с гвоздя оставленный ключ и убрал в карман. Алексей видел это движение. Запретить сегодня было легко. Теперь предстояло узнать, кто успел привыкнуть брать вчера.

У служебного входа Марина получила копии списка. Спросила, появилась ли новая версия. Алексей показал на

последнюю пустую графу.

— Появились люди, которых ещё нет в журнале.

Она свернула листы и пошла звонить по организациям. Он вернулся в холл. Там всё так же сидели родители Кирилла, и перед ними лежал телефон, от которого они не отходили даже на несколько шагов.

Ольга сидела в холле. Воронцов присел перед ней, чтобы не разговаривать сверху вниз.

— Что он делает, если теряется?

— Звонит мне.

— Если телефон не работает?

Она подумала.

— В магазине просит позвонить. Я учила. Номер знает.

— К кому он мог бы пойти сам?

Ольга посмотрела на мужа. Тот медленно покачал головой.

Алексей попросил назвать и тех, к кому идти нельзя, но Кирилл мог бы захотеть. Отец вспомнил старшего мальчика из двора. Мать — одноклассника, у которого новая приставка.

Воронцов записал обоих.

Он не сказал, что ребёнка скоро найдут. Ольга, кажется, ждала именно этой фразы. Когда он встал, она поймала его за рукав.

— Только не уходите все.

— Мы здесь работаем, — ответил он.

Она разжала пальцы.

Глава 4

Не тот отец

К утру Антон Давыдов стал человеком, о котором у каждого было мнение.

Одна мать сообщила, что он «неприятно разговаривает». Другой родитель видел, как Кирилл когда-то не хотел садиться к нему в машину. В школьном чате вспомнили развод. Кто-то переслал фотографию мужчины возле синих ворот и написал, что это отец; на фотографии был совсем другой человек.

Марина приехала к Антону домой, где его вечер уже проверяли коллеги. На кухонном столе стоял недоеденный салат, возле телевизора — игровой руль. Сосед снизу приходил к нему в восемь из-за текущего потолка; в половине девятого они вместе разговаривали с сантехником. В подъезде сохранилась запись.

Антон следил, как Марина рассматривает руль.

— Мы в воскресенье собирались, — сказал он. — Он вживую ещё до педалей нормально не достаёт, а тут гонщик.

Он говорил сердито, будто она обвинила сына в хвастовстве.

— Когда в последний раз созванивались?

— Вчера. То есть уже позавчера. В среду.

— О чём?

— О вратаре. Тренер ставит по очереди, а Кирилл не хочет.

Марина попросила показать переписку и заметила сообщение, которое родители прежде пропустили: «Если мама разрешит, после матча».

Речь шла о воскресенье. Никакой договорённости на четверг не было.

У выхода Антон спросил:

— Это я время у вас отнимаю?

— Вы отвечаете на нужные вопросы.

— Вы же всё равно думаете, что я.

— Я думаю, где ваш сын. Пока вы мне в этом помогаете.

Антон придержал дверь.

— Подождите. Там ещё есть переписка. С Ольгой.

Он вернулся за телефоном, хотя она не просила. На экране появились длинные сообщения, голосовые, фотографии квитанции за секцию. Марина не стала брать аппарат из рук.

— Что вы хотите показать?

— Я ей написал, что больше ничего согласовывать не буду. Во вторник. Только это про деньги было. Она поймёт, но вдруг вы прочитаете...

Он замолчал, листая вверх. Чем больше искал, тем дальше уходило нужное сообщение.

— Антон, давайте по порядку. Из-за чего спорили?

— Она записала его ещё на занятия, мне сказала потом. Я сказал, что так нельзя. Не что платить не буду, а что сначала

поговорить надо. А получилось...

Он наконец нашёл текст и показал. В конце стояло: «Захочу — заберу, имею такое же право».

Марина прочитала дважды, затем попросила прислать всю переписку за тот день.

— Я идиот, — сказал Антон.

— Вы угрожали забрать ребёнка.

— С матча. В воскресенье. Не навсегда же.

— Так и объясните.

Он смотрел на неё, не понимая, верит она или нет. Марина записала объяснение и связалась с коллегой, который разговаривал с Ольгой. Мать подтвердила спор, показала продолжение переписки: поздним вечером они договорились, что Кирилл поедет к отцу после игры. Она забыла упомянуть угрозу. Считала, что это были просто злые слова.

Пока Марина ждала ответа, Антон пытался убрать со стола салат. Раскрыл мусорный пакет, потом поставил тарелку обратно. На площадке пахло краской, этажом ниже хлопала дверь.

— Я бы хотел, чтобы это я, — сказал он.

Марина убрала телефон.

— В каком смысле?

— Чтобы я спрятал. Чтобы вы меня допросили и я сказал, где он. Тогда всё понятно было бы.

Марина знала, что нельзя оставить эту фразу без уточнений. Спросила прямо: не прячет ли он ребёнка сейчас. Ан-

тон покачал головой. Лицо изменилось — он увидел, как его желание немедленно превратилось в новую работу.

— Нет. Я просто сказал.

Она задала ещё несколько вопросов и записала ответы. Перед уходом сама подвинула к нему пустой стакан.

— Воду налейте. Вы с ночи ничего не пили.

— Пил.

— Тогда ещё.

В машине Марина позвонила Воронцову. Семейная версия становилась слабее, но это ещё не делало сильнее ни одну другую.

После её отъезда Антон не смог остаться в квартире. Вышел на площадку, вернулся за зарядным устройством, снова вышел. На первом этаже его ждал сосед, тот самый, которому вчера залило потолок. Антон увидел тёмный прямоугольник на его плече и почему-то решил, что человек пришёл показать ещё одно пятно.

— Видел, — сказал сосед. — В группе дома. Я заявление потом напишу, не сейчас.

Антон не сразу понял, какое заявление. Потом кивнул.

— Спасибо.

— Ты куда едешь?

— К Ольге. То есть сначала туда, в комплекс.

— Я отвезу.

Антон хотел отказаться. Ключи уже были в руке. Сосед протянул ладонь, не требуя, и Антон отдал их. За ночь он

выпил два кофе, почти не ел и уже дважды забывал, на каком этаже стоит лифт.

В машине сосед включил обогрев стекла. На телефоне перед панелью появилась фотография человека возле синих ворот. Сосед быстро смахнул сообщение.

— Кто прислал? — спросил Антон.

— Да наши. Не обращай внимания.

— Покажи.

Под фотографией стояло: «Отец. Развод, конфликт из-за ребёнка. Мог вывезти». Ниже кто-то добавил адрес Антонова дома. Человек на снимке имел светлые волосы и был лет на десять моложе, но это никого не смущало.

Сосед отвёл глаза.

— Я написал, что не ты.

— А адрес откуда?

— Не знаю. Все пересылают.

Антон попросил отправить сообщение ему целиком. Переслал Марине, потом открыл школьный чат. Вчера вечером он видел там пожелания найти сына. Теперь под его последней репликой «Спасибо, позвоню, если понадобится» шло тридцать новых сообщений, и ни одно не было адресовано ему. Люди обсуждали его, забыв, что он тоже может читать.

Он набрал: «Я никого не вывозил». Стер. Написал гораздо длиннее, со словом, которое нельзя было произносить при Кирилле, и опять стер. Сосед молча выехал со двора.

Позвонила классная руководительница. Спросила, можно

ли поговорить, и он ответил так резко, что она замолчала.

— Простите, — сказал Антон. — Говорите.

— Дети уже знают. Мы не будем сегодня обсуждать подробности всем классом. Если Кирилл кому-то писал, пусть взрослые сообщат по номеру в ориентировке. Я это скажу.

— Он вам про меня говорил?

— Что именно?

— Что не хочет со мной ездить.

Она не ответила сразу. Антон слышал голоса в коридоре, звонок, как кто-то попросил у неё ключ от кабинета. Обычное утро продолжалось, только Кирилл в нём отсутствовал.

— Был разговор, когда вы обещали приехать и не смогли, — сказала учительница. — Кирилл расстроился. Это я помню. И ещё он говорил, что вы научили его парковать машину в игре. Показывал всем, как крутить руль.

Антон закрыл глаза.

— А если он ещё что-то говорил, не скрывайте. Пожалуйста.

— Я уже ответила сотруднику, который звонил ночью. Скрывать не собираюсь.

Он поблагодарил и спросил, можно ли зайти. Учительница мягко отказала: урок начался, расспрашивать детей сейчас не нужно. Если понадобится, всё организуют со взрослыми. Антон услышал в отказе обвинение и почти начал спорить. Потом представил себя в дверях класса, девятилетних мальчиков, готовых сказать ему всё, лишь бы он перестал так

смотреть.

— Хорошо, — сказал он. — Передайте, что я...

Ничего подходящего не нашлось.

— Я передам, что вы ищете Кирилла, — ответила учительница.

У светофора Антон попросил соседа остановиться после перекрёстка. Вышел, позвонил Ольге. Сказал про фотографию, адрес, школьный чат. Она знала только часть. Теперь молчала так долго, что он проверил экран, не оборвался ли звонок.

— Я могу написать, — сказала она наконец.

— Не надо меня защищать.

— Я не тебя. Его ищут. А обсуждают нас.

Она спросила, можно ли прямо упомянуть их спор во вторник. Антон посмотрел на собственные ключи, оставшиеся у соседа. Согласился.

Через несколько минут в чате появилось короткое сообщение. Ольга написала, что отец Кирилла участвует в поиске и отвечает на вопросы полиции, а изображение постороннего человека нужно перестать распространять. Свою часть ссоры она не оправдывала. Попросила сообщать сведения по официальному номеру и не передавать детям слухи.

Ответы пришли почти сразу. Кто-то извинился. Кто-то написал, что просто хотел помочь. Один человек возразил, что никто никого не обвинял. Антон не ответил ни одному.

Марина перезвонила, уточнила, где впервые опубликован

адрес. Он передал всё, что получил, не вырезая чужих фамилий и собственных злых слов. Она сказала: если к дому придут люди, не выходить разбираться, звонить. Антон пообещал.

Сосед довёз его до комплекса. У входа стоял отец из футбольной группы. Он открыл рот, собираясь выразить сочувствие, но Антон спросил только одно:

— Снимки с соревнований у кого есть? Настоящие. До вчерашнего.

Мужчина пообещал узнать. Антон вошёл в холл и сел рядом с Ольгой. Её телефон лежал на зарядке. Он молча положил свой рядом, чтобы теперь оба экрана были видны им обоим.

Человека с длинной сумкой нашли утром. Он преподавал бадминтон взрослым и возил в чехле стойки для сетки. Его звали Аркадий. Он приехал в отдел прямо с первого занятия, в спортивных брюках, поверх которых надел пальто. В руках держал тот самый чехол: решил, что нужно показать.

Алексей попросил поставить его возле стены.

— Вы помните мальчика?

Аркадий посмотрел на фотографию. Покачал головой.

— Я чужих детей не различаю. Когда толпа выходит, все одинаковые. Извините.

— Не за что. Расскажите, как уезжали.

Оказалось, он выехал с парковки, но не покинул территорию сразу. Возле технического проезда ему позвонила жена.

Выехать на дорогу и говорить он не захотел, встал в стороне. Разговор продолжался почти шесть минут. В это время кто-то сзади посигналил.

Алексей придвинул схему.

— Здесь?

Аркадий передвинул палец.

— Ближе к повороту. Я никому не мешал, там можно было проехать. Но человек хотел, чтобы я подвинулся.

— Что за машина?

— Светлая. Фургон, кажется.

На соседнем столе перестали печатать. Алексей почувствовал это раньше, чем услышал тишину.

— Вы посмотрели в зеркало?

— Да. Две фары, высокая машина. Я решил, грузовая. Отъехал вперёд, она прошла.

— В какую сторону?

Аркадий показал. Против направления, в котором Кирилл должен был идти к Ольге.

Воронцов попросил не спешить с цветом. Во дворе горели жёлтые фонари. Аркадий снова посмотрел на схему и сказал, что теперь уже не уверен. Светлой могла показаться передняя часть, куда падал свет его стоп-сигналов. Но высокая — точно. Он сам сидел в низкой машине.

— На звонок посмотрите, пожалуйста.

Время не совпало. Жена позвонила в 20:19, когда Ольга уже искала сына. Алексей сверил часы на видеозаписи с дру-

гими камерами. Ошибки, которая подарила бы им нужные шестнадцать минут, не было.

Аркадий заметил его разочарование.

— Значит, я зря?

— Нет. Мы проверим машину.

— Я мог раньше увидеть. Я там вещи собирал долго. Просто не смотрел.

Алексей спросил, кто ещё выходил вместе с ним. Аркадий назвал двух учеников и одну женщину, которая ждала такси. Её фамилии не помнил, но знал администратора группы. Через десять минут появились ещё три человека, которых предстояло опросить.

Женщина ответила из электрички. Связь обрывалась, приходилось перезванивать. Она сказала, что видела Ольгу: та подошла спросить, не выходил ли мальчик в синей куртке. Ребёнка женщина не заметила. Зато помнила мужчину, остановившегося у технического проезда. Он посмотрел в телефон, постоял, потом пошёл назад к главному входу. Это был отец одного из пловцов — проверили по записи. Его сын задержался в душевой.

На схеме стало больше стрелок и ни одной новой точки, в которой можно было уверенно поставить Кирилла.

Воронцов вышел к умывальнику. Над ним висело зеркало с надколотым углом. Он намочил руки, приложил к лицу, не стал вытирать. Возвращаясь, услышал, как дежурный объясняет кому-то по телефону, что фотография мужчины возле

синих ворот не является ориентировкой. Да, видел. Нет, фамилию в сообщении написал неизвестный человек. Нет, задерживать его самим нельзя.

Чужая ошибка уже жила быстрее их работы.

У стола ждал Аркадий. Он так и не забрал чехол.

— Мне идти?

Алексей кивнул, напомнил о телефоне. Мужчина поднял сумку обеими руками, и стойки внутри звякнули.

— Я обычно там не разговариваю, — сказал он. — Жена про ребёнка звонила. У нас температура.

— Поправляйтесь, — ответил Алексей.

Сказал обычные слова и увидел, как собеседник впервые за весь разговор перестал оправдываться.

К полудню нашли последнюю подтверждённую активность телефона Кирилла: вечером он оставался в районе комплекса. Точнее установить место по имевшимся данным не получилось. Потом аппарат перестал выходить на связь. Ни разговора, ни сообщения после тренировки не было.

Воронцов смотрел на карту. Точки, которыми он вчера надеялся ограничить маршрут, расплзались по кварталу.

Савельев принёс кофе в бумажных стаканах.

— Что у тебя?

— Ноль три — выход. Ноль семь — доставлено сообщение. Потом мать звонит, ответа нет. Дальше пусто.

— У тебя четыре минуты. Это не пусто.

Алексей отодвинул карту.

В протоколах люди каждый раз говорили «он ушёл к маме». Даже мальчик из раздевалки. Но к маме Кирилл не пришёл. Они знали только, что он вышел из комнаты.

Воронцов открыл список свидетелей и зачеркнул в собственных заметках слова «пошёл к матери».

Глава 5

Фотография на память

Снимки со спортивного праздника принёс отец Дани. Он пришёл без вызова, с ноутбуком в сумке и твёрдым убеждением, что полиция умеет «вытаскивать лица».

— Там всё в исходниках. Я ничего не пережимал.

Праздник состоялся пятнадцатого октября. Дети соревновались в ударах по воротам, родители стояли за сеткой, на столе лежали дешёвые медали. Воронцов смотрел фотографии подряд: интересовал каждый, кто мог общаться с Кириллом.

На одном кадре мальчик сердился. Другой ребёнок держал его за рукав, Кирилл отдёргивал руку. На следующем они уже смеялись. Фотограф объяснил, что спорили из-за очереди.

Алексей задержался на широком снимке площадки. За ограждением, возле служебной двери, стояли двое взрослых. Один держал коробку; второй, в тёмной куртке, смотрел в сторону поля.

— Кто это?

— Не знаю. Рабочие, наверное.

— Снимали ещё?

Мужчина открыл серию. Человек с коробкой прошёл в здание. Второй остался, затем тоже ушёл. Ни одного кадра, на котором он разговаривал бы с детьми, не было.

Марина переслала фрагмент администратору комплекса. Через полчаса та сообщила, что видела мужчину с обслуживающей бригадой, но фамилии не знает.

— Вентиляция, — уточнила она. — Или вытяжка в кафе. Это разные люди?

Воронцов попросил документы по работам. Никаких красных обводок вокруг лица, никаких публикаций с подписью «похититель». На снимке был человек, имевший полное право находиться у здания.

Фотограф разочарованно захлопнул ноутбук.

— А увеличить можете?

— Можем увеличить фотографию. Увидеть то, чего на ней нет, не можем.

Фотограф всё же задержался у двери.

— А мне это удалить? С площадки?

— Зачем?

— Там чужие дети. Я уже выложил в группу. Может, нельзя было.

Воронцов объяснил, что удалять ничего не нужно, а исходные снимки важно сохранить. Мужчина перестал прятать ноутбук и спросил, можно ли снять дополнительные фото-

графии: дверь, проезд, кусты. Он всё время предлагал работу, которую умел делать.

— Пока ничего не снимайте. Просто держите телефон рядом.

Когда тот ушёл, Алексей вернулся к последовательности кадров. За восемь минут до снимка рабочих объектив был направлен в другую сторону. Дети стояли в очереди к воротам, тренер объяснял упражнение. Кирилл обернулся к кому-то за кадром.

Алексей увеличил изображение. Позвал Марину.

— Посмотри. Может, контакт был раньше.

Она наклонилась к монитору.

— Или его мать позвала.

— Ольга в это время не на площадке. Ушла в аптеку.

Марина открыла соседний снимок. У края кадра появилась девочка с большой бутылкой воды. На третьем она протягивала бутылку кому-то из взрослых. Воронцов уже потянулся за телефоном, чтобы снова вызвать фотографа, но Марина нашла в списке фамилию Дани и позвонила его отцу сама.

Разговор занял меньше минуты.

— Это его младшая дочь. Он попросил детей повернуться для общего кадра. Кирилл обернулся на него.

Алексей убрал руку с телефона.

— Можно было и меня спросить, — сказала Марина.

— Я и спросил.

— Ты спросил, вижу ли я то же самое. Это другое.

Он не стал спорить. Записал рядом с номером кадра: «Обращение фотографа». Пометка заняла столько же места, сколько занимала бы удачная находка.

В коридоре их ждала мать ещё одного мальчика из команды. Сын стоял возле окна и водил пальцем по щели в пластиковом подоконнике. Женщина заговорила раньше, чем Алексей успел представиться:

— Он утром вспомнил. Я сказала, нужно обязательно рассказать.

— Как тебя зовут?

— Стёпа.

— Что вспомнил, Стёпа?

Мальчик посмотрел на мать.

— Про мужчину.

Она кивнула, помогая ему продолжить. Алексей предложил пройти в свободный кабинет. Стёпа сел на край стула, мать осталась стоять за его спиной. Воронцов попросил её тоже сесть, рядом, так, чтобы мальчик видел обоих.

— Расскажи с начала. Как вы собирались после занятия.

Стёпа начал с бутс. Кто-то спрятал его левую, он искал под скамейкой. Кирилл нашёл и бросил через раздевалку. Стёпа рассердился, потому что бутса попала в лужу. Потом они вышли не вместе: Стёпу задержал тренер.

— А мужчина? — не выдержала мать.

Воронцов повернулся к ней. Она прижала губы и больше

не вмешивалась.

— Что было потом?

— Я вышел. Мама уже внутри была.

— А Кирилл?

— Его не было.

Про мужчину мальчик знал со слов другого ребёнка. Тот сказал утром в чате, что Кирилл «знал дядю с ремонта». Мать Стёпы прочитала переписку и стала расспрашивать. Сначала сын вспомнил, что взрослые разговаривали у сетки. Потом — что Кирилл смеялся. Потом мать показала фотографию, пересланную кем-то из родителей, и спросила: этот?

— Я сказал, может, этот, — произнёс Стёпа.

Женщина опустила глаза.

Алексей попросил показать чат. Сообщение написал Дани, сын фотографа. Речь шла о празднике, а не о четверге. «Знал» означало только, что Кирилл помахал рабочему. Дани стоял рядом. Не слышал слов, но видел жест.

Воронцов связался с отцом Дани, который ещё не успел доехать домой. Тот остановил машину и перезвонил. В этот раз Алексей не просил его искать лицо: попросил выяснить у сына, где стоял Кирилл и кто был рядом. Не показывать новые снимки. Не договариваться с другими родителями о том, что именно дети должны вспомнить.

Стёпа всё ещё сидел на краю стула.

— Я наврал? — спросил он.

— Ты рассказал, как помнишь. Сейчас мы разобрались,

что видел ты, а что написал Даня.

— Я думал, надо про мужчину.

— Надо про то, что было.

Мать положила ладонь на спинку его стула, но не прикоснулась к сыну.

Даня подтвердил жест. Оказалось, до начала соревнования мяч вылетел за ограждение. Рабочий остановил его ногой и перебросил обратно. Кирилл поднял руку, благодаря. Фотограф в это время снимал девочку с бутылкой воды; события произошли рядом, но оказались на разных кадрах.

Воронцов записал и это. Впервые у них появилось не предположение о знакомстве, а маленькое, вполне обычное взаимодействие. Мяч, рука, ответный кивок. Ничего, ради чего мать стала бы предостерегать сына.

Когда Стёпа ушёл, Марина закрыла за ним дверь.

— В чате уже пишут, что Кирилл его знал давно.

— Попроси убрать.

— Уберут. А помнить будут.

Алексей снова открыл исходные снимки. Ему нужно было сохранить ту короткую последовательность, в которой ещё не было ни уверенных матерей, ни испуганных детей, ни его собственного желания поскорее назвать фамилию.

К вечеру Марина принесла список подрядчиков. Фамилия Серова появлялась в двух заявках на ремонт. Одна была сентябрьской, другая относилась к прошлой неделе. В день исчезновения официальных работ не значилось.

Список подрядчиков составляла бухгалтер, которую пришлось вернуть с дороги домой. Она вошла в кабинет в одной перчатке: вторую потеряла, пока искала пропуск. Положила на стол распечатанные счета и сразу сказала, что за подбор персонала не отвечает.

— Мне нужны документы, — ответила Марина.

— Вот документы. Здесь услуги. Фамилий может не быть.

В счетах действительно значились только работы: очистка, замена, демонтаж. Возле одной суммы стояло «дополнительный выезд». Бухгалтер закрыла пальцем край страницы, будто сумма могла заинтересовать их больше, чем причина появления человека у детской площадки.

— Кто подтверждает, что всё сделано?

— Начальник эксплуатации. Иногда управляющий.

— А кто видел, кем сделано?

Женщина сняла перчатку и положила её на колени.

— Администраторы. Смотря какая смена.

Воронцов нашёл в папке заявку с двумя фамилиями и сравнил со списком, составленным ночью. Одна совпала. Вторая была написана другим почерком, поверх зачёркнутой. Фамилию Серова внесли как замену человеку, который заболел.

— Это пятнадцатое число? — спросил он.

— Дата выполнения — да. Заявку могли раньше открыть.

Она достала телефон, позвонила начальнику эксплуатации. Тот пообещал перезвонить. Бухгалтер осталась сидеть;

уходить до ответа, видимо, показалось ей почти признанием.

В соседнем кабинете звонил телефон. Кто-то говорил громко, с раздражением: родители опять требуют подтвердить слух, что похититель работал в раздевалке. Воронцов закрыл дверь.

— Он мог знать расписание? — спросила Марина.

— Оно висит на стене.

— Фамилии детей?

— В расписании нет.

— Контакты родителей?

— У меня нет. В программе администратора, наверное.

Бухгалтер посмотрела на дверь. До этого она отвечала как человек, которому нужно правильно разложить бумаги. Теперь вспомнила, что у неё дома тоже есть ребёнок и что его номер, возможно, лежит в такой же программе за похожей стойкой.

— Но там же пароль, — добавила она.

Начальник эксплуатации перезвонил. Голос шёл через громкую связь, прерывался дорожным шумом. Он помнил замену: первый рабочий действительно не приехал, второму поручили разгрузку и помощь с крепежом. В комнаты с детьми их не отправляли.

— Сколько их было?

— Двое.

— На фотографии один ушёл с коробкой, второй остался. Кто остался?

Мужчина попросил прислать снимок. Марина отправила только нужный кадр без подписей. В трубке долго молчали.

— Да, это тот, который на подмене. Павел. Серов.

Воронцов попросил описать работу по порядку. Сколько времени провёл с каждым, когда отходил, кто принял оборудование. Начальник начал уверенно, потом сам остановился:

— Нет. Не скажу, что всё время был рядом. Я на собрание уходил.

— На сколько?

— Минут сорок. Может, час.

Бухгалтер закрыла глаза. Именно из этих часов, не выделявшихся ничем неделю назад, теперь собиралась жизнь незнакомого мужчины.

— Почему фамилию исправили от руки? — спросил Алексей.

— Потому что другой приехал. У нас что, каждую бумагу перепечатывать?

— Кто проверил, что приехал именно он?

— Я с их начальником говорил. И раньше видел. Лицо знаю.

Разговор не дал ни тайного доступа к родительским номерам, ни свидетельства, что Серов входил в раздевалку. Зато появился человек, который лично видел его пятнадцатого числа и мог назвать время работ. До этого фамилия существовала только рядом с оплаченной услугой.

Марина попросила передать заявки за весь месяц. Бухгал-

тер раскрыла папку, но вдруг задержала руку.

— Вы в новостях скажете? Что из нашей фирмы?

— Сначала установим, что произошло.

— У нас женщины на стойке. Им уже пишут. Девочку сегодня посетитель снимал на телефон, говорил, она детей продаёт.

Воронцов позвонил дежурному, передал сообщение и попросил связаться с администрацией. Бухгалтер выпрямилась. Оказалось, именно ради этой фразы она и согласилась вернуться вечером: бумаги можно было выслать, а попросить за напуганную сотрудницу по электронной почте она почему-то не решилась.

Когда список был готов, женщина нашла вторую перчатку в рукаве пальто. Подняла, коротко улыбнулась и сразу спрятала улыбку.

— У меня дочь, — сказала она. — Я ей сейчас позвоню. Не вам мешаю?

Марина показала на свободный коридор.

После её ухода Воронцов вновь посмотрел на две заявки. Фамилия Серова появилась в комплексе раньше праздника и повторилась в день, когда дети играли перед камерами родителей. Человек приходил по работе, его знали в лицо и впускали без удивления. Это объясняло, почему Кирилл мог махнуть ему рукой. Пока ничто не объясняло, что случилось через неделю.

Алексей отдал копии сотруднику, проверявшему осталь-

ные десять фамилий. Попросил не менять порядок и не пропускать никого из-за новой находки. Тот кивнул, хотя взгляд уже остановился на Серове. Воронцов узнал этот взгляд: сам только что смотрел так же.

— Позвоним, — сказал Алексей.

— Уже. Недоступен. Начальник обещает найти.

Он посмотрел на фото ещё раз. Мужчина не прятался. Стоял боком к объективу, голова слегка опущена. На шее — тёмный шарф, один конец заправлен в куртку.

Воронцов добавил изображение в рабочую подборку для проверки. В ней уже было одиннадцать человек.

Глава 6

Суп

В первую ночь в чужом доме Кириллу дали суп. В тарелке плавал лавровый лист. Кирилл придвинул его ложкой к краю и спросил:

— Можно без этого?

Старший мальчик забрал лист двумя пальцами и положил на стол.

— Ешь.

Он называл себя Ильёй. Возраст не сказал. Кирилл сначала подумал, что ему столько же, сколько школьникам, которые играли вечером на площадке у дома, но Илья был выше и брился: на подбородке оставался красный порез.

За окном стояла темнота. Стекло отражало лампу, стол и

кухонные шкафчики. Если отодвинуть стул, отражение двигалось вместе с ним. Разглядеть улицу не получалось.

— Я маме позвоню, и она меня заберёт, — сказал Кирилл.

Илья налил себе воды. Пальцы у него были в мелких белых царапинах.

— Сейчас нельзя.

— Почему?

Он не ответил.

Кирилл смотрел на дверь. Когда взрослый уходил, она щёлкала два раза. Сейчас он находился где-то в доме: сверху доносились шаги и скрип. Значит, если крикнуть, услышит.

Кричать Кирилл уже пробовал.

— Мне завтра в школу.

— Знаю.

— У нас английский. Надо принести рисунок.

Илья поставил стакан на клеёнку. На ней были лимоны. У бабушки раньше тоже лежала такая, только с виноградом.

— Ешь, пока тёплый.

Кирилл сделал несколько глотков супа. Внутри стало больно и одновременно захотелось есть сильнее. Это показалось предательством. Он отодвинул тарелку, потом вернул.

Илья не смотрел.

— Ты тоже не можешь уйти? — спросил Кирилл.

Старший мальчик поднялся так резко, что стул стукнул о стену.

— Я здесь живу.

Он забрал пустую кастрюлю, включил воду. Струя долго била в одно место.

— Я не хотел, — сказал Кирилл.

— Что?

— Ничего.

Шаги наверху стихли. Илья быстро выключил кран и посмотрел на дверь.

— Не говори ему, что спрашивал.

Кирилл кивнул. Слова у старшего мальчика получились совсем тихими, и это было страшнее стука стула.

Из-под стола ему были видны собственные шнурки. Один развязался, второй затянулся мокрым узлом. Кирилл хотел наклониться, но боялся потерять из виду лестницу.

— У меня нога болит, — сказал он.

Илья посмотрел под стол.

— Сними обувь.

Кирилл не двигался.

— Я не заберу.

Старший мальчик опустил на корточки. Не дотрагиваясь до кроссовка, показал пальцем, где подцепить шнурок. Кирилл потянул, узел стал ещё туже. Илья вздохнул и сел на пол.

— Можно?

Кирилл кивнул. Илья развязал узел, отодвинул язык. На большом пальце у него был вырезан полукруг ногтя, будто он долго сдирал заусенец.

Кирилл вынул ногу и сразу спрятал её под стул. Носок оказался мокрым. Почему-то захотелось сказать, что это не он специально, просто наступил в лужу. Но Илья принёс сухие носки, огромные серые, и положил рядом.

— Я сам, — сказал Кирилл.

— Сам.

Один носок натянулся почти до колена. Пятка висела над щиколоткой. Кирилл хотел засмеяться, как засмеялся бы дома, но смех не получился.

— У тебя какой размер?

— Сорок второй.

— У моего папы сорок третий. Только мама говорит, что один сорок третий, другой сорок четвёртый. Потому что он обувь выбирает час.

Илья посмотрел на него.

— Бывает.

— А у мамы тридцать восьмой. Она говорит, после меня выросла нога. Как она от меня могла вырасти?

Кирилл говорил и говорил, стараясь удержать здесь всех троих: папу у обувных полок, маму с коробкой, себя на мягкой скамейке. Илья слушал, не перебивая. Потом сверху скрипнула половица, и старший поднялся.

— Суп остынет.

— Я номер знаю, — быстро сказал Кирилл. — Мамы. Наизусть. Тебе только телефон найти.

Илья поднял с пола мокрые носки. Долго не мог сложить

их вместе.

— Потом поговорим.

— Ты запомни сначала. Я скажу.

— Не надо сейчас.

Кирилл всё равно произнёс номер, тихо, слитно, как отвечал стихотворение. Илья не повторил ни одной цифры.

Он доел суп. На дне тарелки осталась маленькая нарисованная роза.

После ужина Кирилл попросился в туалет. Илья показал дверь рядом с лестницей и остался в коридоре.

На внутренней стороне двери была металлическая пластинка, а ручки не было. Кирилл стоял, прижимая ладонь к краю, чтобы дверь не закрылась совсем.

— Ты там? — спросил он.

— Здесь.

— Не заходи.

— Не зайду.

Ему пришлось отпустить дверь. Она не защёлкнулась, осталась узкая полоска света. Кирилл всё время смотрел на неё. В ванной пахло порошком, возле раковины стояли две щётки. Одна новая, ещё в прозрачной упаковке. Он не стал её трогать.

Когда вышел, взрослый был в коридоре.

Кирилл замер. Тот держал сложенную простыню и наволочку. Если бы встретился в магазине, оказался бы просто человеком, выбирающим постельное бельё.

— Руки помыл?

Кирилл кивнул, хотя не помыл. Мужчина взял его за запястье. Не сильно, но Кирилл не смог отдёргнуть руку.

— Сухие.

Он указал на ванную. Кирилл вернулся. Теперь пришлось открыть кран, намылить ладони, смыть. Полотенце висело слишком высоко; он вытер руки о брюки и тут же испугался, что это тоже заметят.

— Вот теперь спать, — сказал мужчина.

— Я хочу домой.

Взрослый посмотрел на Илью.

— Ты ему не объяснил?

Илья молчал.

— Завтра поговорим, — сказал мужчина Кириллу. — Сегодня поздно.

Это было самое знакомое из всего, что здесь происходило. Мама тоже иногда говорила так, когда он просил посмотреть ещё один ролик или вспомнил перед сном о поделке. Кирилл почти ухватился за слово «завтра», но взрослый уже прошёл мимо, не ожидая ответа.

Илья повёл его в маленькую комнату. На кровати лежало одеяло в пододеяльнике с оторванной пуговицей. Кирилл сел, не раздеваясь. Старший поставил возле кровати стакан воды.

— Он завтра меня отпустит?

Илья поправил край простыни.

— Ложись.

— Ты слышал? Он сказал, завтра поговорим.

— Я слышал.

— Значит, отпустит?

Старший сел на корточки возле кровати. Как недавно у стола, только теперь развязывать было нечего. Некоторое время он смотрел на пол.

— Я не знаю, — сказал он.

Кирилл вдруг ударил его ладонью по плечу. Удар вышел неловким, совсем слабым. Илья качнулся, но не отступил.

— Тогда зачем ты тут? — спросил Кирилл.

Он хотел спросить другое: зачем взрослый оставил с ним человека, который не может ничего сделать? Но получилось так, будто старший сам виноват в том, что существует.

Илья поднялся.

— Воду не опрокинь.

— Ты пойдёшь?

Тот остановился у двери.

— Мне надо.

— Куда?

Илья не ответил. Кирилл подтянул ноги на кровать. Ему стало стыдно за удар, но сказать «извини» означало отпустить единственного человека, который хотя бы говорил с ним.

— Здесь темно, — произнёс он.

Илья включил маленький светильник над столом. Яркая

полоска упала на обои. Кирилл успел увидеть след от снятой полки: чистый прямоугольник, вокруг которого бумага пожелтела.

— Так?

Он кивнул.

Илья вышел. За дверью начался разговор. Слов Кирилл не разобрал. Потом взрослый сказал громче:

— Электричество у нас бесплатное?

Кирилл смотрел на лампу и ждал, что она погаснет.

— Я выключу потом, — ответил Илья.

Шаги удалились. Лампа осталась гореть.

Ночью Кирилл проснулся от холода. Стакан стоял на месте. Одеяло сползло, и он долго тянул его одной рукой, боясь высунуть вторую из рукава. У двери на полу лежала узкая тень. Сначала он решил, что это вещь, потом услышал дыхание.

— Илья?

Тень шевельнулась.

— Спи.

— Ты там сидишь?

— Да.

— До утра?

Ответа не было. Кирилл прислушался ещё немного и снова лёг. Он не знал, сидит Илья, чтобы не дать ему выйти, или чтобы он не оставался один. В ту ночь это был один и тот же человек.

Когда за окном посветлело, Кирилл ещё некоторое время лежал неподвижно. В комнате было тихо. Потом внизу зазвенела посуда, и он вспомнил, что взрослый обещал поговорить завтра. Завтра уже наступило.

Он сел. В носке сбилась пятка, и большой палец выглядывал сквозь тонкое место. Кирилл натянул ткань обратно и подошёл к двери.

— Илья?

Никто не отозвался. Он постучал, сначала одним пальцем, потом костяшками.

Послышались шаги. Дверь открыл взрослый. Вчера он был в куртке, теперь в серой кофте, застёгнутой только на нижние пуговицы. В руке держал чашку.

— Чего стучишь?

— Вы сказали, поговорим.

Мужчина сделал глоток. Кирилл видел на белом краю маленькую коричневую каплю.

— Умылся сначала?

— Нет.

— Ну так умойся.

Он отступил, освобождая проход. Кирилл не пошёл. Вчера обещание существовало вместе с темнотой, чужой лампой, Ильёй у двери. Теперь можно было говорить быстро и правильно, пока взрослый ещё не ушёл.

— Мама сейчас в школу поедет. Она меня будить будет. Ей надо сказать, что я тут.

— Давай сначала позавтракаем.

— Вы вчера тоже сначала сказали.

Взрослый опустил чашку. Кирилл почувствовал, что произнёс что-то запрещённое, хотя запрета ещё никто не объяснял.

— Ты со мной как разговариваешь?

Он не кричал. Вопрос был похож на тот, который мама задавала после особенно обидного ответа. Только дома можно было заплакать, а здесь Кирилл боялся, что слёзы тоже сочтут неправильным разговором.

— Нормально, — сказал он.

— Вот и продолжай нормально.

Мужчина ушёл вниз. Кирилл постоял ещё немного, потом направился в ванную. Илья вышел из кухни с полотенцем и, увидев его, быстро повесил полотенце на свободный крючок, ниже остальных.

— Я дотягиваюсь, — сказал Кирилл.

— Тогда хорошо.

— Он ничего не сказал.

Илья придержал дверь, чтобы та не закрывалась.

— Зубы почисти.

— Зачем? Чтобы он меня отпустил?

Старший посмотрел на запечатанную щётку возле раковины. Взял упаковку, надорвал угол. Кирилл отступил.

— Я свою хочу.

Илья положил щётку обратно. На кухне звякнула ложка

о чашку.

— Давай хотя бы умойся.

Кирилл открыл кран слишком сильно. Вода ударила о раковину и обрызгала кофту. Он ждал замечания. Илья убавил струю, не сказав ни слова. От этого захотелось ударить его снова: он умел всё делать правильно и всё равно не мог сделать единственного нужного.

За завтраком перед Кириллом поставили овсянку. Он взял ложку, положил. На клеёнке остался влажный след от рукава.

Взрослый ел хлеб с маслом и читал что-то на небольшом экране, лежавшем справа. Кирилл не мог понять, телефон это или плеер. Дома все телефоны были большие; этот почти целиком помещался под ладонью.

— Позвоните маме, — сказал он.

Мужчина продолжал читать.

— Я же не буду кричать. Я скажу, чтобы она не волновалась.

— Ешь.

— Вам даже трубку давать не надо. Я громко скажу, вы услышите.

Илья поднялся за чайником. Взрослый посмотрел на него, и тот сел обратно.

— Ты ему что наговорил?

— Ничего.

— Тогда почему он всю ночь не спал?

Кирилл перебил:

— Он не говорил. Это я сам.

Мужчина повернулся к нему. На секунду Кирилл обрадовался: наконец его услышали.

— Здесь никто не орёт, — сказал взрослый. — И друг за другом не повторяет. Илья, иди пока наверх.

Стул мягко отодвинулся. Старший мальчик встал, отнёс свою тарелку к мойке. В ней оставалась почти вся каша.

Кирилл смотрел, как он уходит. Хотел схватить за кофту, но Илья уже прошёл мимо. Со ступеньки донёсся скрип. Взрослый перевернул экраном вниз то, что лежало на столе.

— Он тебя пугает?

— Нет.

— Я спросил, пугает или нет.

— Я же сказал.

— Не нужно за него отвечать. Он иногда изображает несчастного. Я знаю.

Кирилл стиснул ложку. Он не понимал, зачем его спрашивают, если ответ не подходит. На столе осталась Ильина кружка; на ручке была тонкая трещина. Он решил смотреть на неё, пока взрослый не договорит.

— У тебя всё есть. Тепло, еда. Одежду принесём. Чего ты сейчас добиваешься?

— Домой.

— Сейчас поешь.

— А потом?

— Не торгуйся.

Мужчина поднял чашку, но передумал, поставил обратно. Кирилл видел, как напряглась рука. Вчера она держала его запястье. Он перестал спрашивать и поднёс ложку ко рту. Каша успела остыть сверху, внутри оказалась горячая. Он проглотил, обжигаясь, потому что сплюнуть было страшно.

После нескольких ложек его затошнило. Взрослый спросил, почему остановился. Кирилл сглотнул и попробовал ещё раз. Не получилось.

Тогда позвали Илью.

Тот спустился быстро, будто всё время стоял за поворотом лестницы. Взрослый указал на тарелку:

— Нормально с ним посиди. Без разговоров своих.

Илья сел рядом. Кирилл не поднял головы. Он хотел, чтобы старший вернулся, и теперь казалось, что именно поэтому взрослый сможет снова его прогнать.

Когда мужчина ушёл, Илья придвинул стакан воды. Кирилл сделал глоток.

— Я не говорил, что ты пугаешь.

— Я слышал.

— Тогда почему ушёл?

Илья провёл большим пальцем по краю стола. В месте, где клеёнка заворачивалась, торчала тонкая белая нитка.

— Он сказал.

— А если я скажу остаться?

Старший не ответил. Кирилл хотел потребовать громче,

как требовал дома, когда мама уходила из комнаты до конца рассказа. Вместо этого поставил стакан и сказал:

— Останься.

Илья сидел, пока Кирилл не отодвинул тарелку. Потом убрал её вместе со своей. Когда взрослый вернулся, спросил, всё ли съел мальчик.

— Не всё, — ответил Илья.

Мужчина открыл крышку кастрюли и посмотрел на оставшуюся кашу. Кирилл приготовился слушать про испорченные продукты. Но взрослый только спросил Илью, почему тот не умеет покормить ребёнка.

Старший молчал. Кирилл смотрел на две тарелки в раковине: на одной почти ничего не было, на другой лежала целая горка. Он мог показать, объяснить, чья это каша. Но тогда Илью снова могли отправить наверх. Кирилл спрятал ладони между коленями и промолчал.

Позже Илья принёс ему кроссовки. Поставил рядом с кроватью, носками к двери. Шнурки были развязаны заранее.

— Зачем? — спросил Кирилл.

— Чтобы ноги не мёрзли.

Кирилл обулся. Вчера он боялся, что обувь заберут навсегда. Сегодня старался не показать, насколько легче ему стало от этих двух вещей возле собственных ног. Илья присел поправить язычок, но Кирилл сделал это сам.

Пока взрослый занимался чем-то внизу, Кирилл попытался сделать то, чему учил тренер перед штрафным. Поставить

ноги ровно, вдохнуть через нос, выдохнуть медленно. После первого вдоха заболело под рёбрами. Он попробовал ещё и закашлялся.

Илья подал воду. Кирилл покачал головой.

— Я умею. Не мешай.

Старший поставил стакан и отступил к двери. Кирилл упёрся ладонями в колени. Перед глазами почему-то возникли белые линии на поле и тренерская рука, показывающая, куда поставить мяч. Он начал тихо перечислять: разбег, опорная нога, не отклоняться. На третьем слове сбился и начал сначала.

— Гол забить хочешь? — спросил Илья.

— Нет.

— А что?

— Чтобы внутри перестало.

Илья присел возле стены, далеко от него. На этот раз Кирилл не прогнал. Пока он повторял слова, старший сидел, вытянув одну ногу. Снизу позвали. Илья встал, но Кирилл успел закончить ещё один круг: разбег, опорная нога, не отклоняться.

Когда остался один, он сделал несколько шагов по комнате. От кровати до двери выходило пять его обычных шагов и один короткий. Кирилл передвинул стакан с самого края, чтобы не задеть на обратном пути. Выпил воду. Потом сел ждать Илью, оставив место на краю кровати. Старший, вернувшись, так и остался стоять.

Глава 7

Восемь лет назад

Сообщение пришло от сотрудницы, работавшей по исчезновению девочки в 2018 году. Она получила служебную подборку фотографий и попросила перезвонить.

Анна Соколова, десять лет. Исчезла по дороге с занятий музыкой. В деле сохранилась запись магазина: мужчина у входа, а девочка появляется в поле зрения через несколько минут. Тогда человека не установили. Следствие не доказало даже, что он заметил Анну.

На этот раз Воронцов смотрел видео без звука. Мужчина покупал пачку салфеток, убирал сдачу в карман. В момент поворота лица возникло сходство с фотографией у спорт-комплекса.

Алексей выдохнул.

— Видишь?

Марина не спешила отвечать.

— Вижу похожего мужчину.

— Возраст, посадка головы, ухо.

— Ухо на семи пикселях. Не влюбляйся.

Она попросила исходную запись и сведения, на основании которых в 2018-м этого человека вообще проверяли. Оказалось, магазин стоял рядом с детской школой, а опросы проводили по всем посетителям подходящего времени. Большую часть установили. Несколько остались без имени.

На бумаге рядом с кадром сохранилось: «возможно, из ремонтной службы». Так ответила продавщица, давно переехавшая из Москвы.

— Это уже полезнее уха, — сказала Марина.

К вечеру с ними встретился начальник Серова. На фотографию он посмотрел и сразу кивнул.

— Павел. Да. А что он натворил?

— Пока мы спрашиваем о работе.

Серов обслуживал небольшие объекты, получал задания через диспетчера. Иногда подменял других мастеров. Работал спокойно, жалоб почти не было. На прошлой неделе у спорткомплекса помогал разгружать оборудование. В четверг, по словам начальника, взял день за свой счёт.

Воронцов почувствовал, как детали складываются слишком удобно. Выходной, выключенный телефон, человек возле детей.

— Адрес.

В квартире Серова никто не открыл. Соседка сказала, что видела его в среду, но могла перепутать. Машину описала как белую «маленькую грузовую». В базе служебного транспорта такой фургон числился за фирмой; пользоваться им могли трое.

Начальника вызвали ещё раз уже к пустой квартире. Тот принёс запасной номер Павла и показал несколько рабочих сообщений. На последнее, отправленное в четверг утром, Серов ответил: «Сделаю в понедельник».

— Он так всегда пишет, — сказал начальник. — Без точек. Коротко.

Алексей спросил, что собирался сделать Серов.

— Привезти прокладки. В соседнем здании насос течёт.

— Договорился заранее?

— Во вторник ещё.

Начальник протянул телефон так резко, словно хотел заставить Воронцова увидеть в этих прокладках оправдание. Человек, планирующий работу на понедельник, не мог, по его мнению, скрываться с ребёнком.

Внизу под дверью шелохнулась тень. Соседка вышла из своей квартиры с пакетом мусора и притворилась, что не замечает троих людей на площадке. Начальник поздоровался; она кивнула и остановилась возле лифта.

— У него кто-нибудь бывал? — спросила Марина.

— Я не слежу.

— Может, помогали донести вещи. Видели в лифте.

Соседка вспомнила двух мужчин, женщину в синем пальто, курьера. Сначала сказала, что всех — на прошлой неделе, потом выяснилось, что женщину видела ещё зимой. Она раздражалась на собственную память и всё крепче сжимала ручки пакета.

— Он нормальный. Здравствуйтесь говорит. Не пьёт по ночам.

Марина записала и это.

Когда лифт увёз женщину вниз, начальник сказал:

— Ну вот. И я о том же.

Воронцов не стал объяснять, сколько людей, которых он задерживал, здоровались с соседями. Спросил о конкретном: где Павел хранил инструменты, кто знал его маршруты, кто заменял на работе. Начальник наконец перестал защищать общее впечатление и открыл список сотрудников.

Вернувшись в отдел, Алексей поговорил с диспетчером фирмы. Женщина приехала по его просьбе, но сперва осталась в коридоре: думала, что спрашивать будут только начальника. В руках у неё была рабочая тетрадь в прозрачной обложке и пакет с продуктами, купленными по пути.

— У нас приложение есть, — сказала она. — Только половина мастеров им не пользуется. Я для себя записываю.

Воронцов предложил поставить пакет под стол. Из него медленно выкатилась луковица. Женщина поймала её ногой, подняла и положила поверх хлеба.

Тетрадь была заполнена сокращениями. «Течёт», «не пускать без звонка», «только после 16». Возле Серова стояло несколько галочек и одно слово, обведённое дважды: «сам».

— Что значит?

— Сам договорится о времени.

— Всегда так?

— Если клиент постоянный. Я только заявку закрываю.

Начальник, стоявший возле двери, сказал, что всё заносится в общую базу. Женщина посмотрела на него, потом на Воронцова.

— Заносится то, что мне присылают.

— Вы хотите сказать, у вас нет части адресов?

— Я хочу сказать, что если в девять вечера мне пишут «сделал», я не начинаю выяснять, в девять ли делал. У меня смена кончилась. Я утром отмечаю.

Начальник открыл рот. Алексей попросил его подождать в коридоре. Тот возмутился: это его фирма, он за всё отвечает. Воронцов повторил просьбу. Диспетчер всё ещё держала ладонь на обложке, словно тетрадь могли унести вместе с начальником.

Когда дверь закрылась, она сказала:

— Только не думайте, что я на него жалуюсь.

— Мне нужны последние задания Павла.

Женщина перелистнула несколько страниц назад. В чет-верг Серова действительно не вызывали. Он попросил свободный день заранее. На пятницу оставалась небольшая работа, которую перенесли на понедельник ещё до его исчезновения. Это совпадало с сообщением о прокладках.

— Кому он звонил насчёт переноса?

— Мне. Не клиенту. Я сама предупредила.

— Что сказал?

— «В пятницу не успею. С понедельника возьму». Я спросила, что случилось. Он сказал, личное.

Алексей записал время разговора. Это было не оправдание и не оговорка, на которой можно поймать. Серов распорядился двумя ближайшими днями так, что отсутствие на

работе некоторое время никого не беспокоило бы.

— Вы ему сегодня звонили?

— Начальник сказал, не надо. Уже полиция занимается.

— А вчера?

— Я вчера дома была.

Она нашла рабочий журнал звонков. В среду Серов набирал сам. В четверг ему звонил другой мастер, потом написал в общую группу вопрос про инструмент. Ответа не было. Пятничным утром диспетчер прислала новое время выезда на понедельник и поставила рядом с фамилией галочку. Галочка означала, что сообщение отправлено. Прочитано ли оно, она не проверяла.

— Я вам с утра сказала, он подтвердил, — произнесла она.

— Начальнику сказали?

— Всем сказала. Вы же спрашивали, кто на понедельник будет. Я перепутала.

Алексей попросил исправить запись и объяснить, что именно она имела в виду. Женщина нашла ручку, проткнула бумагу на первой букве, отложила. Он дал свою.

— Я с ним четыре года работаю, — сказала она, дописав.

— Он отвечал всегда. Иногда ночью. Я ему сама говорила, хватит мне ночью писать.

Она достала телефон. На фотографии рядом с именем Серова был логотип фирмы, одинаковый у всех мастеров. Ничто не позволяло отличить человека от остальных сотрудников, кроме имени в телефонной книге.

— Позвонить можно? — спросила она.

Воронцов уточнил, какой номер сохранён. Тот самый, уже известный им. Попросил пока не звонить, передать сведения сотруднику, занимавшемуся связью, и остаться доступной.

— Я могу сидеть здесь. Домой не обязательно.

— Дома кто-нибудь есть?

— Отец. Ему продукты надо.

Он вернул ей тетрадь после копирования и попросил ничего не дописывать по памяти в старые строки. Всё новое — отдельно, с сегодняшней датой. Женщина поняла сразу. Прежде чем убрать тетрадь, сама написала на чистой странице: «Пятница. Что вспомнила».

За продуктами женщина нагнулась уже возле двери. В рабочем телефоне зазвучала мелодия. Она сбросила, но тотчас позвонили снова.

— Простите, это диспетчерский.

Воронцов кивнул. Голос женщины изменился: стал деловым, почти весёлым. Она объяснила кому-то, что заявку помнит, мастер приедет в понедельник. Выслушала ответ, взяла тетрадь и снова села.

— Вода не должна стоять в поддоне. Вы пока перекройте, как вам показывали. Да, я понимаю, что нельзя без воды.

Это звонили по работе Серова. Перенос казался удобным, пока неисправность оставалась маленькой. Теперь клиент просил прислать кого-нибудь сегодня.

Диспетчер посмотрела на Воронцова, прикрыв микро-

фон.

— Что ему говорить?

— Что другого мастера найдёте. Сведения по заявке нам оставьте.

Она обзвонила двоих. Первый был занят до ночи. Второй согласился заехать, но нужной детали у него не оказалось. Женщина нашла магазин, уточнила наличие, отправила адрес. На всё ушло меньше десяти минут.

Потом она вернулась к клиенту. Не сказала ему ни о ребёнке, ни о подозрениях, ни о том, что привычная фамилия в её тетради теперь означает совсем другое. Договорилась о доступе и записала время нового выезда на чистой строке.

— Вы мне потом бумагу дадите? — спросила она. — Что я здесь была. Отец не поверит, что так задержалась.

Алексей попросил коллегу оформить подтверждение. Пока ждали, женщина перечитала сделанные записи и сама отделила листок с новым мастером: этот разговор уже не имел отношения к тому, где был Павел. Воронцов сохранил оба времени.

В коридоре начальник поднялся ей навстречу. Начал спрашивать, что она рассказала. Диспетчер молча подала ему пакет.

— Отнесите до машины, пожалуйста. Тяжёлый.

Он взял. Разговор о том, кто плохо оформляет заявки, не состоялся.

Алексей передал Савельеву уточнение о пятнице. Тот из-

менил задачу сотруднику, который проверял рабочие объекты: нужно было искать не только место, где Серова ждали, но и тех, кто заранее согласился его не ждать. Несколько назначенных на день звонков получили другой порядок. Воронцов попросил начать с переносов, о которых договаривался сам Павел.

Фургон обнаружили на другом конце города. Он стоял во дворе дома, где жил второй мастер, Руслан. Тот открыл дверь не сразу. В прихожей лежали два мешка строительного мусора, на столе — разобранная розетка.

Когда Марина спросила о четверге, Руслан сказал, что после работы был дома. Его жена из кухни поправила: приехал после десяти.

— Я же заезжал по пути, — ответил он ей.

— Куда?

— Сейчас объясню.

Объяснял он долго. Сначала — склад. Потом — знакомый, которому нужно было помочь. Потом признался, что взял частный заказ и использовал рабочую машину. Начальник запрещал такие выезды, поэтому Руслан не собирался указывать их в путевом листе.

Воронцов, приехавший следом, попросил адрес. Руслан медлил, всё ещё надеясь сохранить хотя бы имя заказчика. Алексей положил перед ним фотографию Кирилла.

— Я понимаю про начальника. Сейчас вы тратите другое время.

Жена Руслана села на табурет. До этого она ходила между кухней и прихожей, раздражённая поздним визитом. Теперь руки у неё неподвижно лежали на коленях.

Адрес оказался настоящим. Хозяин квартиры сперва отказался впускать сотрудников: решил, что управляющая компания узнала о переделке санузла. Пока разговаривали через дверь, Руслан трижды позвонил ему сам. Это выглядело хуже, чем было. Когда хозяин всё-таки открыл, в квартире обнаружились незаконченная работа, чеки из магазина и сосед, весь вечер приходявший жаловаться на шум.

Время въезда фургона во двор сохранилось на камере. В нужные минуты машина была здесь. Руслан попал в кадр с длинной коробкой под мышкой. Позже выносил мусор, возвращался, снова выходил. Между этими эпизодами не удалось разместить поездку к спорткомплексу.

Марина позвонила начальнику и сообщила, что машину нашли. Про частный заказ тоже пришлось сказать: объяснение требовало проверки. Руслан стоял рядом и слушал, как рушится другая, гораздо меньшая часть его жизни.

— Меня уволят, — произнёс он, когда разговор закончился.

— Не знаю.

— Павел тоже ездил. Все ездили.

Алексей поднял глаза.

— Куда Павел ездил?

Руслан пожал плечами.

— По своим делам. Только он договариваться умел. Или на своей машине брал. У него универсал, тёмный, старый.

Он назвал марку, вспомнил повреждённую заднюю дверь. Именно на этой машине Павел однажды привёз его с объекта, когда фургон стоял в ремонте. Руслан сидел сзади, потому что впереди лежали коробки. На коврике заметил школьную тетрадь, но не стал разглядывать.

— Когда?

— Летом. Может, в августе.

— В этом году?

— Да.

Тетрадь сама по себе ничего не объясняла. Машина давала ещё одну возможность искать. Алексей записал сведения и попросил Руслана найти рабочую переписку за то лето: день поездки мог сохраниться рядом с неисправностью фургона.

Позже, в машине, Марина сказала:

— Я была уверена, что он врёт про вечер, потому что знает, где Павел.

— Он и врал.

— Не про то.

Она закрыла блокнот. На звонки, выезд, хозяина квартиры и камеры ушло несколько часов. Их нельзя было вернуть, но теперь хотя бы не пришлось бы снова начинать с белого фургона, который каждый сосед непременно видел в самый важный момент.

Савельев посмотрел на документы и велел продолжать проверку всех троих.

— Если Серов — тот, кто нам нужен, мы его установим. Если ты сейчас выбросишь остальных, потом будешь подбирать.

Воронцов хотел возразить, но вспомнил собственную зачёркнутую запись: «пошёл к матери».

Глава 8

У каждого есть лицо

Ещё ночью Ольга соглашалась на публикацию фотографии, пока ей не показали саму ориентировку.

На белом фоне Кирилл улыбался, под ним стояло слово «ПРОПАЛ». Рост, приметы, одежда. Она вдруг увидела, как эту картинку будут пересылать между скидками на продукты и объявлениями о продаже дивана.

— Другую фотографию нельзя?

Волонтёр спросил, что не так с этой.

— Здесь у него лицо...

Она не закончила. Обычное лицо. Именно это и было невыносимо.

В итоге оставили снимок с матча. Ольга сама отправила его классному руководителю. В ответ посыпались обещания помощи, вопросы, чужие догадки. Через час ей написал человек, который «видел всё во сне». Ещё один предложил за деньги определить местоположение телефона.

Она переслала сообщения полицейскому и положила аппарат на зарядку.

Теперь Антон стоял на кухне. Они приехали взять чистые вещи и фотографию в хорошем качестве. Кириллова чашка осталась в раковине. Стул, с которого ночью забрали школьную рубашку, теперь был пуст.

— Я могу остаться, — сказал Антон.

— Не надо.

Он кивнул, но не ушёл.

Ольга открыла холодильник, не нашла там ничего нужного и закрыла. Взяла банан из сумки. За ночь кожура почернела с одного бока.

— Я ему взяла.

Антон посмотрел на банан.

— Убери пока.

— Куда?

Он не ответил.

Ольга всё-таки положила банан в холодильник. На верхнюю полку, отдельно от остального. Закрыла дверцу и услышала из комнаты Антонов голос.

Он кому-то говорил, что пока ничего не знает. Потом замолчал. Ольга вошла: бывший муж стоял возле детского стола с телефоном у уха, на экране было имя его матери.

— Не надо сюда приезжать, — сказал он. — Мы сейчас опять уедем. Мам, не надо. Я позвоню.

Он отключился. На столе была раскрыта тетрадь. Кирилл

не дописал последнее слово в упражнении, карандаш оставил поперёк строки. Ольга взяла его и положила вдоль края.

— Не трогай, — сказал Антон.

Она медленно повернулась.

— Я карандаш положила.

— Я вижу.

— Мне теперь ничего трогать нельзя?

Он сел на край кровати.

— Не знаю, Оль. Я ничего не знаю.

Она поставила карандаш в стакан. Сразу вынула и вернула на тетрадь. Оба смотрели на него, как на вещь, от положения которой зависело что-то важное.

У изголовья лежала маленькая подушка в форме мяча. Антон привёз её из командировки, когда Кирилл был ещё в детском саду. Раньше Ольга раздражалась: игрушек много, а человеку трудно вовремя оплатить кружок. Сейчас ей было необходимо знать, помнит ли он эту подушку.

— Из Казани? — спросила она.

— Из Самары.

— Точно.

Он провёл ладонью по шву и убрал руку.

— Я позвоню на работу. Возьму несколько дней.

Ольга хотела сказать, что несколько дней им не понадобится. Что к вечеру Кирилл вернётся, а Антон всё равно отменит работу и купит сыну что-нибудь чрезмерное. Она открыла рот, но смогла произнести только:

— Хорошо.

Ольга уже сложила чистые вещи, когда в дверь позвонили. На пороге стояла женщина с красной папкой, за её плечом молодой человек держал камеру. Ольга не знала, кто сообщил им адрес.

— Мы ненадолго. Можно буквально два слова? Люди откликаются лучше, когда слышат мать.

Женщина произнесла это ласково. Ольга сначала даже обрадовалась: ей предлагали ещё одну работу для возвращения сына. Надо было только выйти, сказать правильно, попросить.

Антон встал в дверях детской комнаты. Оператор опустил камеру, но не убрал палец с кнопки.

— Здесь? — спросила Ольга.

— Можно в комнате. Мы снимем игрушки, фотографии, какие-то вещи. Лица других детей, конечно, закроем.

Ольга оглянулась на Кириллов стол. Карандаш опять лежал поперёк тетради. На полке между книгами стояла поделка из школьного кружка — жёлтый дом с плохо приклеенной крышей. Кирилл прятал за ним маленький пластиковый меч, который запретили носить в школу.

— Зачем вещи?

— Чтобы люди поняли, что это обычная семья. Что такое может случиться с каждым.

Антон шагнул к двери. Ольга подняла руку, останавливая его. Если сейчас он выгонит их, она до конца жизни будет

думать, не увидел ли бы тот самый человек передачу с Кирилловой кроватью.

— Подождите на площадке, — сказала она.

Женщина кивнула так быстро, что Ольга поняла: это уже похоже на согласие. Закрыла дверь и набрала номер волонтера.

Та выслушала. Спросила, о каком канале речь. Ольга не знала; папку видела, название не прочитала.

— Нужно соглашаться?

— Ориентировка уже распространяется. Если хотите обратиться, можно записать коротко. Не обязательно показывать квартиру.

— А если не увидят?

— Могут не увидеть и длинный сюжет. Решать вам.

Ольге хотелось, чтобы ей запретили или приказали. Тогда ещё одно решение не осталось бы на ней. Она попросила подождать на линии и обернулась к Антону.

— Что говорить?

Он смотрел на закрытую дверь.

— Что он Кирилл. Девять лет. Когда вышел. Номер, куда звонить.

— Они хотят, чтобы я плакала.

— Ты можешь и не плакать.

Она уже плакала. От этого разозлилась, вытерла лицо рукавом и попросила Антона открыть дверь.

Журналистка выслушала условия: съёмка в холле подъез-

да, без детской, без адреса, без разговоров об их разводе. Согласилась со всем, потом всё-таки спросила, почему отец и мать живут отдельно.

— Мы же договорились, — сказал Антон.

— Я просто для понимания, за кадром.

— Понимание тоже без этого.

Он говорил тихо. Ольга увидела, каких усилий ему это стоит.

Они спустились на первый этаж. Там работал лифт, хлопала тяжёлая дверь, пахло мокрым картоном. Оператор попросил отойти от стены: некрасивый свет. Ольга отошла. Потом попросили держать телефон ниже, иначе закрывает лицо. Она опустила руку и тут же подняла снова — на экран пришло сообщение.

— Мы можем начать сначала, — предложила журналистка.

Ольга прочитала: сестра привезёт чистую одежду к комплексу. Никаких известий. Спрятала телефон в ладонь.

Её спросили, каким был Кирилл.

— Есть, — сказала она.

Женщина не поняла.

— Какой он есть. Не был.

— Конечно. Извините. Какой он ребёнок?

Ольга начала рассказывать про акул и вдруг остановилась. Всё это было их утро, которое она не успела прожить внимательно. Теперь чужие люди получат рассказ, сложат из него

Кирилла, решат, достаточно ли он хороший мальчик, чтобы волноваться. Она не хотела отдавать им ещё и это.

— Я хочу обратиться, — сказала она. — Не отвечать на вопросы.

Оператор посмотрел на журналистку. Та убрала папку.

Ольга назвала имя, возраст, время, место. Попросила тех, кто видел сына или машину рядом с ним, звонить по номеру в ориентировке. На слове «машина» запнулась: никто ещё не доказал, что его увезли. Исправилась — кто видел Кирилла после восьми вечера. Попросила не публиковать догадки о других детях.

Запись длилась меньше минуты. Когда камеру выключили, журналистка спросила, есть ли семейное видео. Ольга выбрала фрагмент с матча, где сын бежал один; проверить отсутствие других лиц помог Антон. Отправила официальный номер для сведений и попросила повторить его в сюжете.

Поднимаясь, она поняла, что забыла сказать, как сильно любит сына.

— Надо вернуться, — сказала она.

Антон остановил лифт на этаже, придержал дверь.

— Он знает.

— Им сказать надо.

— Кому?

Она посмотрела на лестничное окно. Внизу журналистка укладывала папку в машину. Впервые за эту ночь Ольга поз-

волила человеку, пришедшему помочь, уйти без ещё одной просьбы. Вернулась за сумкой. Антон снял телефон с зарядки и проверил, сколько осталось батареи.

Пока они собирались, позвонили Ольге с работы. Она увидела имя руководительницы и хотела сбросить, но решила, что там тоже могут знать что-нибудь о Кирилле.

Женщина сказала, чтобы Ольга не приходила. Что всё передадут Светлане. Что отпуск оформят, как только поймут, каким образом лучше.

— Только файл за среду у тебя локально? Мы в папке не видим.

Ольга посмотрела на сумку с ноутбуком. Она привезла его вчера из офиса и ещё собиралась после мастера полчаса поработать.

— Сейчас отправлю.

— Если можешь. Не срочно.

Она сказала это слишком поздно: Ольга уже раскрывала компьютер. В документе осталась выделенной ячейка, которую она хотела исправить. Несколько цифр были красными. Рядом висел комментарий: «Нужно уточнить до пятницы».

Антон спросил, что она делает.

— Им файл нужен.

— Пусть подождут.

— Я обещала.

Она открыла почту, прикрепила таблицу и начала писать пояснение: что сделано, какие данные ещё не пришли, ко-

го нужно поторопить. На второй фразе обнаружила, что не помнит фамилии коллеги, с которым работала третий год.

Антон сел рядом. Не стал отбирать компьютер. Сказал: — Напиши, что не можешь объяснить.

Ольга стерла начатое. Написала: «Отправляю текущий файл. Разобрать ошибки сейчас не смогу». Нажала отправить, не перечитав. Ответ пришёл сразу: «Конечно. Дальше сами. Прости».

Она закрыла ноутбук. Красные цифры ещё стояли перед глазами. Ольга несколько раз моргнула, прежде чем смогла прочитать новое сообщение на телефоне.

— Это не они виноваты, — сказала она.

— Знаю.

— Там сроки.

Антон убрал компьютер в сумку. Раньше он сказал бы, что все её сроки придуманы людьми, которые прекрасно обходятся без неё. Теперь только застегнул молнию и поставил сумку у стены. Ольга проверила звук на телефоне. С момента звонка руководительницы прошло шесть минут. Она помнила каждую.

В телефон пришла фотография. Ольга открыла её прежде, чем прочла сообщение, и сначала увидела только лицо сына.

На снимке Кирилл сидел у стены. Свет был плохой, край изображения обрезан. Подпись состояла из двух коротких предложений: мальчик жив, подробности после оплаты.

Ольга позвала Антона. Не закричала — голос совсем ис-

чез. Он взял телефон, прочитал, спросил, кто прислал. Она не знала.

— Позвони им, — сказал он.

Она нажала на значок вызова. Никто не ответил. Через несколько секунд появилось новое сообщение: только писать. Ещё одно — с суммой.

Антон уже открыл приложение банка.

— Подожди, — сказала Ольга.

— Чего ждать?

Она смотрела на лицо. Кирилл был без куртки, волосы сухие, губы чуть приоткрыты. Это мог быть он сейчас. Почти всё на фотографии могло быть сейчас, кроме выражения: сын смотрел на что-то возле правого края, с таким нетерпением, с каким ждал, когда дадут наконец попробовать.

Ольга знала этот взгляд.

— Мне кажется, я это видела.

— Что?

— Фотографию.

Антон перестал нажимать на экран. Они оба наклонились над телефоном. Ольга увеличила снимок: изображение стало расплывчатым. За плечом у Кирилла виднелась светлая полоска. Стена или край шкафа. На футболке — маленькое тёмное пятно.

— Летом, — сказала она. — У твоей мамы. Он мороженое ел.

— Там другая футболка была.

— Не в тот раз. Когда дождь пошёл.

Она открыла свои фотографии. Пальцы дрожали, поиск по месяцу не получался. Вместо лета открылась вчерашняя запись с тренировки: Кирилл бежал по полю, смеялся, что-то кричал. Ольга резко закрыла её и позвонила сотруднику, чей номер ей оставили.

Попросили ничего не удалять, передать сообщение целиком и не продолжать переписку самостоятельно. Она переслала, потом снова стала искать фотографию. Антон стоял рядом с открытым банковским приложением.

— Если не найдёшь, я переведу.

— Они сказали ждать.

— Им легко сказать.

Ольга повернулась к нему.

— Ты думаешь, мне легко?

Он убрал телефон. Через минуту снова достал. Сумма была большой, но доступной: часть накоплений, часть с кредитной карты. Впервые появился способ что-то отдать вместо бесполезного ожидания. Антон чувствовал почти облегчение и оттого ещё сильнее ненавидел слово «ждать».

Фотографию нашла его мать. Они позвонили ей вдвоём, путано объяснили, что нужно посмотреть июль, дождь, мороженое. Бабушка сначала испугалась, что прислали плохое известие. Антон повторил: нет, просто найди. Она нашла и отправила весь снимок.

За Кириллом стояла открытая кухонная дверь. У стены

была Ольгаина сумка, справа — рука бабушки с салфеткой. Мальчик смотрел на коробку мороженого. Всё остальное убрали, стену затемнили, лицо оставили.

Ольга сидела с двумя фотографиями на экране. Они совпадали до пятна на футболке.

Полицейский перезвонил, попросил исходный снимок. Объяснил, что это не подтверждение нынешнего местонахождения ребёнка. Сообщение и требование денег будут проверять отдельно. На вопрос, надо ли отвечать, сказал, что дальнейшие действия согласуют с ними, сейчас переводить ничего не нужно.

Антон выслушал, спросил, уверены ли они. Ему показали, какие детали совпадают. Он всё равно ещё раз открыл банковское приложение, затем закрыл.

Ольга могла бы почувствовать облегчение. Вместо этого пришло разочарование: снимок не был новым. Кирилл не сидел сейчас у той стены, неизвестный человек не обещал его вернуть, деньги снова ничего не решали.

Антон сел на пол возле кровати.

— Я хотел перевести, — сказал он.

— Знаю.

— Я даже сейчас хочу. Вдруг всё равно знают.

Ольга не стала говорить, что это глупо. Ей самой хотелось написать отправителю хотя бы одно слово, заставить его ответить человеческим голосом. Не ради информации. Ради того, чтобы он понял, чьим лицом пользуется.

Вместо этого она сохранила переписку, как попросили, и положила телефон на стол. Через минуту снова взяла: линия должна оставаться свободной.

Антон поднялся, принёс ей воды. Она выпила. Они не обсуждали, откуда неизвестные взяли старую фотографию. Снимок выкладывали в семейную группу, потом кто-то переслал поздравление, ещё кто-то сохранил. До вчерашнего вечера лицо Кирилла свободно жило среди людей, которые его любили. Теперь это лицо оказалось вещью, за которую посторонний требовал денег.

Позвонил Воронцов. Спросил, знаком ли ей Павел Серов. Ольга сказала «нет» раньше, чем он закончил фамилию. Тогда он попросил не торопиться и прислал фотографию.

Она долго рассматривала лицо. Незнакомое. Возможно, видела возле комплекса. Возможно, теперь ей так казалось.

— Я не могу сказать, — ответила она.

— Так и запишем.

— Вы его нашли?

— Мы его проверяем.

Ольга отошла от Антона к окну.

— Когда найдёте, только позвоните сразу. Даже ночью.

Алексей сказал, что позвонит.

Она осталась у окна. В соседнем доме кто-то натянул на балконе верёвку для белья; на ней качалась маленькая куртка. Ольга смотрела, пока не заболели глаза, потом задвинула штору.

Глава 9

За оградой

В субботу утром Марина положила перед Воронцовым копию фотографии на матовой бумаге.

— Это прислали после сообщения о пропаже. Женщина увидела ориентировку Кирилла. Её сестра пропала в восемьдесят восьмом.

На снимке девочка стояла возле деревянного щита с нарисованными спортивными кольцами. За оградой, немного в стороне, виднелся мужчина в светлой ветровке. Снимали летом; от листвы на лице лежали пятна тени.

Снимок не относился к нынешнему комплексу. Другая площадка, другой район, давно исчезнувший ведомственный клуб. Женщина не узнала на нём Серова: просто после ориентировки снова открыла семейный альбом и спросила, можно ли проверить мужчину, чья личность оставалась для неё под вопросом.

— Я сначала не хотела показывать, — сказала Марина. — Ты и так не спишь.

Воронцов придвинул современный кадр. На старом отпечатке тень пересекала лицо, на новом мужчина стоял вполоборота. Алексей не мог честно сказать, что видит одного человека. Но наклон головы, положение рук и общий силуэт вызывали неприятное чувство узнавания. А главное, незнакомцы стояли у детских площадок за тридцать восемь лет

друг от друга.

— Где оригинал?

— У сестры. Договорилась приехать.

— На сколько лет он здесь выглядит?

— Не спрашивай меня об этом.

Разница между снимками составляла тридцать восемь лет. Мужчине за оградой могло быть около сорока. Серову, согласно документам, было сорок три.

Алексей откинулся на спинку стула. В стекле шкафа отражалась полоска окна, ещё тёмного в ранний час.

— Значит, разные.

— Скорее всего.

— Но проверить нужно.

— Проверяем.

На обороте старой фотографии стояло имя: «Наташа, июнь 1988». Ни адреса, ни фамилии взрослого.

Воронцов поднял трубку и попросил материалы исчезновения Натальи Ерёминой. Потом позвонил коллеге, занимавшейся Анной Соколовой, и уточнил, не всплывала ли эта фамилия в её деле. Не всплывала.

Когда он закончил, Марина уже надевала куртку.

— Я к сестре Ерёминой. Ты куда?

— Проверю, как ищут Серова.

Она задержалась в дверях.

— Лёша. Пока ты смотришь на человека из восьмидесятого, у нас есть мальчик из четверга.

— Я помню.

— Хорошо. Я тоже буду напоминать.

Он не обиделся. После её ухода открыл сводку по Кириллу. Поисковики закончили обход ближайших дворов и начали новый участок.

До обеда проверили сообщение от женщины, видевшей похожего мальчика на остановке между двумя станциями. Она назвала жёлтые вставки на обуви, тёмную куртку и мужчину, который всё время держал ребёнка за локоть. Воронцов попросил её не смотреть больше на ориентировку. Женщина ответила, что уже смотрит.

— Закройте, пожалуйста. Что именно вы увидели до фотографии?

— Мальчика. Худенького.

— Лицо видели?

— Он отворачивался.

— А обувь?

— Мне кажется, такая. Подождите, я сейчас ещё увеличу.

Он повторил просьбу. Женщина обиделась, но телефон отложила. Рассказала, что стояла под навесом, а мальчик с мужчиной — у дороги. Мужчина смотрел в телефон. Подъехал автобус, мальчик потянулся к нему, взрослый удержал. На этом её автобус пришёл с другой стороны, и она уехала.

— Номер того автобуса?

— Я не знаю. Не мой маршрут.

— Время?

Женщина назвала девять. Потом девять двадцать. Оказалось, она ориентируется по времени, когда обычно выходит на работу, но сегодня ездила к сестре и вышла позже. Воронцов попросил проверить поездку по тому, что сохранилось в телефоне, и не пытаться вспомнить точнее, чем получается.

Время установили по звонку сестре. Разница с первым ответом составила почти час. На место поехали сотрудники; один занялся остановкой, другой связался с перевозчиком. Воронцов смотрел на карту и ловил себя на том, что уже соединяет точку с предполагаемым загородным домом Серова. Дом ещё не имел адреса. Направление уже нравилось.

Савельев подошёл с кружкой, взглянул через плечо.

— Что подтверждено?

— Пока сообщение.

— Тогда карту не рисуй.

Алексей свернул линию, которую успел провести.

В записи из автобуса не было ни обуви, ни лиц. Отражение в стекле закрывало половину остановки. Зато в кадре появился пакет мужчины: большой, белый, с красными буквами. Свидетельница пакет вспомнила сразу и стала увереннее. Воронцов попросил сотрудника больше ничего ей не показывать. После пакета она могла вспомнить уже всё, что ей предложат.

С другой камеры получили короткий фрагмент: мальчик поднимал голову, взрослый наклонялся к нему. Изображение было плохим. Сходство с Кириллом имелось ровно в той

мере, в какой девятилетний мальчик в осенней куртке похож на другого девятилетнего мальчика в осенней куртке.

Воронцов не стал звонить Ольге. Пообещать ей хотя бы «появилось сообщение» означало отдать ей следующие два часа. Она сидела бы с телефоном, представляла бы остановку, взрослую руку, автобус. Он знал это и всё-таки почти набрал номер: хотелось, чтобы хоть кто-нибудь ждал вместе с ним.

Мужчину нашли через водителя другого автобуса. Тот запомнил белый пакет, потому что пассажир зацепил им валидатор и рассыпал коробки с обувью. Он ехал с племянником. У мальчика был повреждён слуховой аппарат; они возвращались из мастерской, где нужной детали не оказалось. На остановке ребёнок не расслышал дядю, решил, что идёт их автобус, и шагнул к краю. Мужчина остановил его.

Сотрудник передал это по телефону, а через несколько минут прислал подтверждение: имя, родство, разговор с матерью ребёнка. Оказалось, жёлтых вставок на обуви не было. Были светлые подошвы, на которые падало отражение рекламы.

— Похоже, всё, — сказал сотрудник.

— Не похоже. Закройте проверку так, чтобы завтра её не начали снова по другому звонку.

Воронцов сам перезвонил свидетельнице. Поблагодарил и сказал, что мальчика установили, это не Кирилл. Она сначала не поверила.

— А вы точно посмотрели? Просто он так его держал.

— Проверили семью. Проверили, куда они ездили.

— Значит, я вас зря отвлекла.

— Вы сообщили то, что заметили.

Женщина помолчала.

— Я просто не хотела потом думать, что видела и ничего не сделала.

— Правильно, что позвонили.

Закончив разговор, Алексей дописал в сводке время и результат. В графе оставалось несколько строк для деталей. Он внёс туда расхождение с обувью, неточность первого времени и подтверждённую поездку в мастерскую. Красивой цепочки не получалось: из-за одной случайной встречи работали несколько человек, Кирилл не стал ближе, фамилия Серова нигде не прозвучала.

Марина позвонила с дороги, спросила, чем закончилась остановка. Выслушала и сказала:

— Хорошо, что ребёнок с дядей.

Алексей посмотрел на закрытую карточку сообщения.

— Да.

Он не сразу понял, что она сказала это не для утешения. Где-то существовал мальчик, которого взрослый держал за руку, потому что тот мог не услышать приближающийся автобус. Этот мальчик был дома. Ничего исправлять в его истории не требовалось.

Воронцов встал и прошёл до окна. Во дворе сотрудница

несла две коробки, прижав верхнюю подбородком. Другой сотрудник держал перед ней дверь и что-то говорил, заставляя её смеяться. Алексей постоял, пока они не скрылись в здании, затем вернулся к следующему сообщению.

Снимки остались рядом на столе. Алексей перевернул старый лицом вниз.

В доме Кирилл в это время пытался вспомнить, во что был одет, когда вошёл. Куртку он видел, кроссовки тоже. Шапка исчезла. Без неё всё выглядело так, будто часть его вещей осталась в той машине и он сам ещё не добрался до конца.

Илья перебирал на столе выстиранные полотенца. Кирилл спросил про шапку. Старший ответил, что посмотрит.

— Не потом. Сейчас.

— Я доделаю.

— Она чёрная. С нашивкой.

— Я помню.

Кирилл не верил. Все взрослые говорили «помню», а потом приносили другое. Однажды папа купил ему не тот конструктор и долго объяснял, что этот лучше. Вспомнив, Кирилл испугался, что даже теперь сердится на папу за конструктор. Постарался отогнать это и снова спросил:

— Ты точно видел?

Илья оставил полотенца, пошёл к шкафу в коридоре. Кирилл двинулся за ним. Взрослый сидел в соседней комнате за столом, дверь была открыта. Услышал шаги, поднял голову.

— Куда собрались?

— Шапку ищем, — сказал Кирилл.

— На улицу не пойдёте.

— Я не на улицу. Она моя.

Мужчина перевёл взгляд на Илью. Тот стоял возле шкафа, положив ладонь на ручку.

— Ты же делом занят был.

— Сейчас найду и закончу.

— У нас теперь каждый сам решает, что будет делать?

Илья убрал руку. Кирилл смотрел на неё: пальцы медленно сжались и разжались, как будто ручка всё ещё была между ними.

— Она здесь не нужна, — сказал взрослый. — Пойдёшь гулять, наденешь.

— Когда?

— Когда надо будет.

Он снова наклонился к столу. На листах лежало что-то тяжёлое и чёрное, похожее на футляр. Кирилл не стал разглядывать. Дверь шкафа осталась закрыта. Илья вернулся к полотенцам.

Старший складывал их теперь иначе: не подравнивал уголки, просто сгибал дважды и клал в стопку. Кирилл знал по маме такую быстроту. Если попросить ещё, человек скажет: видишь, я занята. Потом поймёт, что ты испугался, но сразу исправить уже не сможет.

Кирилл сел на стул. Его рюкзак стоял под столом. Он достал мешок с формой и вынул футболку. Та подсохла, пах-

ла залом. На груди расправился знакомый рисунок. Кирилл провёл пальцем по цифре и вдруг начал стаскивать чужую кофту через голову.

— Ты что? — спросил Илья.

— Свою надену.

— Она грязная.

— Моя.

Ткань зацепилась за ухо. Илья помог, не спрашивая разрешения; Кирилл дёрнулся, но тот сразу отпустил. Футболку удалось натянуть поверх майки. Под мышками она была холодная. Всё равно стало лучше.

Взрослый вышел из комнаты, остановился на пороге кухни.

— Зачем переоделся?

— Я в этой хочу.

— В ней же бегал. Сними.

Кирилл схватился за нижний край.

— Она высохла.

— Я вижу, что высохла. Илья, объясни ему про чистые вещи.

Старший мальчик поднял взгляд. На столе между ними лежала пустая упаковка от салфеток. Он взял её, сжал и положил обратно.

— Он потом снимет.

— Когда потом?

— Перед сном.

Взрослый помолчал. Кирилл впервые увидел, как Илья оставил сказанное без следующего объяснения. Не исправился, не засмеялся. Но по тому, как старший вдавил локти в бока, было ясно: он ждёт, что сейчас произойдёт что-то плохое.

— Ты меня учить будешь?

— Нет.

— Тогда не придумывай. Снял, в стирку положил. Завтра наденет чистую.

Мужчина взял мешок. Кирилл рванулся к нему так резко, что стул перевернулся. Грохот наполнил кухню. Илья шагнул вперёд, но взрослый поднял свободную ладонь. Старший остановился.

— Не трогайте! — крикнул Кирилл.

Мешок повис в руке мужчины. Из открытого горла выглянул край тёмных шорт. Кирилл слышал собственное дыхание; вдохи не успевали за воздухом, который пытался вытолкнуть.

— Поставь стул, — сказал взрослый.

Он не двигался.

— Кирилл.

Пришлось нагнуться. Одной рукой стул не поднялся. Он разжал футболку, взялся обеими и поставил. Ножка застряла под краем клеёнки; потянув, он сдвинул тарелку. Илья поймал её прежде, чем она упала.

Мужчина положил мешок на стол.

— Никто у тебя не отнимает. Ты сам всё бросаешь, а потом орёшь.

Кирилл держал спинку стула. Взрослый дождался, пока он отпустит, и велел сесть. Потом долго говорил о том, что вещи нужно беречь. Мешок при этом лежал перед ним. Кирилл ни разу не посмотрел Илье в лицо.

Когда мужчина ушёл, старший протянул ему снятую кофту. Кирилл оттолкнул её.

— Ты сказал, можно.

— Я не сказал.

— Ты сказал, перед сном.

Илья положил кофту на спинку. Начал убирать стол. Кирилл не хотел больше ни футболки, ни шапки. Хотел, чтобы Илья признал: он тоже слышал, как разрешение почти получилось, а потом у них обоих его забрали.

— Я попробовал, — произнёс старший.

Кирилл поднял голову. Илья держал две тарелки, прижимая их к животу. Он сказал это сердито, словно защищался не перед Кириллом, а перед кем-то ещё, кого на кухне не было.

Младший снова потянул край футболки вниз. Над локтем осталась красная полоса от тесного рукава майки.

— Ты её не выбросишь?

— Нет.

— Даже если он скажет?

Илья поставил тарелки. За стеной скрипнул стул взросло-

го. Он подождал, пока тот перестанет двигаться, потом сказал:

— В мешок положу. Вместе с шортами.

Это не было обещанием вернуть домой. Кирилл уже различал. Он сам снял футболку, вывернул обратно и положил поверх шорт. Илья затащил шнурок, показал, куда поставит мешок, — на нижнюю полку, откуда его можно было видеть со стула.

Кофту Кирилл надел, не просовывая руки до конца. Так рукава казались пустыми. Илья убрал последние полотенца. Двое мальчиков больше не разговаривали, но мешок остался на виду, и ни один из них не отвернул его другой стороной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕК

Глава 10

Карпов

В папке Антона Карпова было двадцать семь листов. Воронцов прочитал их за четверть часа, а потом ещё столько же сидел над последним.

Мальчик исчез в 1984 году. Девять лет, секция плавания, вечер. Совпадения легли в готовый ряд, и Алексей уже собирался звонить в архив, когда заметил ссылку на дополнительную проверку 1996 года. Самого документа в подборке не оказалось.

Марина связалась с человеком, который до сих пор помнил старые архивные шифры. Попросила проверить ссылку целиком.

Оригинал справки искали не там, где лежала её копия. В старой подборке указан был номер, который позже присвоили другому материалу. Дежурный архивист сначала ответил, что ничего нет, потом перезвонил: в журнале передачи сохранилась дополнительная литература. Марина продиктовала её коллеге, который поехал за документами.

Скан пришёл без последней страницы. Алексей уже прочитал слово «найден», но на оставшемся листе не было подписи человека, подтвердившего личность. Они запросили продолжение. Ещё через сорок минут появилась обратная сторона, а вместе с ней — фотография взрослого Карпова и отметка о проверке родства. Антон был найден живым. Несколько лет прожил под чужими данными, позже восстановил документы. В одном из старых списков исчезнувших он остался.

— Найдите его сейчас, — сказал Алексей.

— Справке не веришь?

— Справке верю. Хочу понять, почему он в трёх наших списках.

Карпов оказался жив и в 2026 году. Сначала не стал разговаривать, приняв звонок за очередную попытку выманить деньги. Ему оставили официальный номер, он перезвонил сам. Воронцов услышал голос человека старше себя, у кото-

рого на работе шёл ремонт и которому очень мешал разговор о детстве.

— Опять? — спросил Карпов. — Я два года назад отвечал. Фотографию убрали, потом снова появилась.

— Где появилась?

— В интернете. С подписью «не найден до сих пор». Жена увидела. Смешно, да?

Алексей сказал, что не смешно.

— Вы только не спрашивайте, счастлив ли я, что вернулся. Мне уже задавали. Это вообще другой разговор.

— Не буду.

Он уточнил сведения и закончил звонок. Карпов не пожелал удачи. Имел право: его снова выдернули из собственного дня, чтобы убедиться, что старая ошибка действительно ошибка.

Марина принесла перечень источников, из которых фамилия попала в новую сводку. Три списка ссылались друг на друга. Ни один — на результат проверки 1996 года.

Алексей зачеркнул цифру «3» возле слова «источники». Написал «1» и тоже зачеркнул.

Воронцов сидел перед экраном, не двигаясь.

— Удаляй, — сказала Марина.

Он убрал фамилию с доски.

— Я не включал его окончательно.

— Теперь окончательно не включай.

Она не злорадствовала. Села рядом, открыла пакет с дву-

мя пирожками и предложила один ему. Начинка оказалась с картошкой, хотя продавщица обещала мясо.

— У меня тоже версия не подтвердилась, — сказала Марина.

Он засмеялся неожиданно громко. Потом оба замолчали.

По Кириллу проверили больницы, транспорт, знакомых, дворы. В квартире Серова после необходимых согласований провели осмотр. Следов пребывания мальчика не нашли. В ящике лежала пачка старых гарантийных талонов; в холодильнике — упаковка масла с истёкшим сроком. Серов действительно жил здесь, но, судя по показаниям соседей и расходу электричества, в последнее время появлялся редко.

Начальник фирмы вспомнил, что Павел иногда упоминал загородный дом. Где именно — не знал.

Алексей вызвал его ещё раз. Начальник приехал, освободившись с вечернего объекта, всё время поглядывал на телефон и перед первым вопросом попросил:

— Вы только на объект не звоните пока. Мне там и так нервы делают.

Воронцов положил ручку.

Мужчина понял, как это прозвучало.

— Не из-за ваших звонков нервы. Из-за сроков. Я не то имею в виду.

— Когда вы видели Серова в последний раз?

— В среду. Вы спрашивали.

— Спрошу ещё. Что он делал?

— Забирал накладные. Мы там шутили насчёт машины. Он расходники в багажнике не держал, всё по ящикам у себя. Я говорю: у тебя автомобиль как новый, а у меня склад на колёсах.

— Смеялся?

— Кто?

— Серов.

Начальник пожал плечами.

— Ну да. Чего ему не смеяться?

Алексей записал и попросил вспомнить разговор дословно. Мужчина пытался, путался, снова возвращался к накладным. Никакой зловещей оговорки в шутке не обнаружилось. Рабочий день заканчивался, двое взрослых обсуждали хлам в машине. Один из них на следующий вечер мог забрать ребёнка.

У дверей начальник спросил:

— Если это он, почему я не заметил?

Воронцов поднял глаза.

— Что именно?

Тот подумал и не смог ответить.

Начальник ещё не успел выйти из здания, когда ему позвонила сотрудница, занимавшаяся расчётами. Он вернулся, держа телефон перед собой.

— Нашли перевод. Я совсем забыл. Мы ему летом деньги возвращали за работу за городом.

Алексей встал так быстро, что задел коленом стол.

В счёте стояло название посёлка. Не адрес дома, только место, которое теперь впервые можно было показать на карте. Серов купил за свои деньги материалы для ремонта бойлера; фирма возместила стоимость после того, как заказчик расплатился. Начальник уже говорил о загородном доме увереннее.

— Может, это его и был. Просто на другого оформили.

— Только что вы сказали: работа у заказчика.

— Ну я же не знаю. Он там был, а я нет.

Воронцов попросил его сесть. Сам остался стоять, ожидая, пока пришлют счёт целиком. Внизу появилась фамилия женщины, которая заказывала ремонт. Начальник её помнил: пожилая, требовательная, вычитала из оплаты за поцарапанный пол.

По телефону женщина сразу признала и фирму, и мастера. Серов приезжал дважды. На вопрос, не живёт ли он там сейчас, удивилась:

— В моём доме? С какой стати?

Сотрудники выехали, предварительно договорившись с хозяйкой. Она сама находилась в городе. Ключи остались у человека, который следил за домом зимой. Этого человека пришлось искать отдельно: хозяйка не хотела давать его номер, пока не выяснит, что происходит.

— Вы мне скажите, он что-нибудь украл? У меня там вещи.

— Мы разыскиваем ребёнка.

Женщина замолчала. Потом стала торопливо объяснять, что ничего не замечала, мастер нормальный, она даже дочери его советовала. Алексей остановил её на слове «нормальный». Спросил о ключах, о времени, когда Серов оставался один, о вещах, которые привозил. Она отвечала уже тише, но так и не отдала номер сразу. Сначала сама позвонила человеку с ключами. Попросила не пугаться.

Пока группа ехала, Воронцов связался с сотрудником, проверявшим последнюю известную поездку Серова. Посёлок лежал в другом направлении. Это ничего не исключало: машина могла ехать не прямо. Алексей всё равно почувствовал досаду, будто дорога нарочно не желала совпасть с найденным счётом.

Начальник сидел напротив, крутя шапку.

— Я бы сам съездил. Если надо.

— Не надо.

— Знаете, я ему детей своих показывал. Фотографии. Старший в институт поступил, я всем показывал.

Воронцов поднял на него глаза.

— Он спрашивал про них?

— Нет. Я сам. Что вы так сразу?

— Уточняю.

Мужчина положил шапку на колени. Теперь и собственная гордость за сына казалась ему поступком, который предстояло объяснить. Алексей вернул разговор к ремонту. Кто предложил Серова, кто согласовывал материалы, где храни-

лись чеки. Из ответов постепенно получился обычный заказ, оформленный обычными людьми. Даже наличные, о которых начальник говорил неохотно, ничего не объясняли в исчезновении Кирилла.

У дома сотрудников встретил сосед с ключами. Воронцов слышал его через громкую связь: недовольный голос, лай собаки, несколько раз повторённое «я только смотрю, чтоб трубы не лопнули». Дом открыли с разрешения хозяйки. Комнаты были пусты, мебель под простынями, бойлер работал. Следов недавнего постояльца не обнаружили. Сосед показал собственные записи о включении отопления и рассказал, когда видел рабочих. Назвал двоих; вторым оказался мастер, приезжавший до Серова.

Алексей попросил проверить и это. Хотелось закончить раньше, оставить хотя бы название посёлка в списке возможного. Но тогда следующая смена снова получила бы красивую точку на карте и начала с неё.

Женщина перезвонила сама.

— Ребёнка нет?

— В вашем доме нет.

— Господи. Простите. Я обрадовалась, что у меня нет, а ведь он где-то есть.

Воронцов не знал, что ей ответить. Попросил сохранить документы о работе и сообщить, если Серов выйдет на связь. Она спросила, можно ли написать дочери, чтобы не нанимала его. Он сказал, что можно предупредить о розыске, но не

нужно самостоятельно искать встречу.

После разговора начальник поднялся.

— Вы ведь всё равно туда поехали. Хотя не его дом.

— Мы этого не знали.

— Теперь из-за меня время потеряли.

Алексей протянул ему лист, на котором надо было уточнить даты.

— Теперь знаем, какой дом вы имели в виду. Вспомните другое — позвоните. Даже если снова окажется заказчик.

Мужчина заполнил лист медленно, впервые за вечер не взглянув на телефон. Уходя, он забрал шапку, а чеки оставил. Сказал, что копии у бухгалтерии есть.

Воронцов доел пирожок и вернулся к талонам. На двух стояли подписи одного человека, сделанные с разницей в семнадцать лет. Ранние записи были уверенными, поздние — более угловатыми. Пока это ничего не значило. Бумаги забрали для проверки.

Фамилия Карпова больше не занимала место на доске. Пустой прямоугольник оказался полезнее, чем выглядел утром.

Глава 11

Сестра

Сестра Натальи Ерёминой жила в доме, где лифт останавливался между этажами. Марина поднялась на шестой пешком.

Ей открыла женщина в домашних брюках, с гарнитурой

на шее. На кухне стояли рабочий ноутбук и большая кружка. Никаких свечей возле фотографий, никаких сохранённых тридцать восемь лет детских комнат.

— Я не каждый день о ней думаю, — сказала женщина, когда Марина достала блокнот. — Это плохо звучит, да?

— Это ваши дни.

Женщина сняла гарнитуру.

Фотография хранилась в альбоме. В 1988 году старшей сестре было тринадцать. Она запомнила не мужчину за забором, а то, что Наташе купили новые сандалии и она всё время просила снять её целиком.

— Я обрезала ноги. Мама тогда ругалась.

Снимок сделали на летней площадке при ведомственном клубе. В августе Наташа исчезла. Фотографию следствию показывали, но мужчина на заднем плане ничем не выделялся среди других взрослых. Дело не исчезло; просто большинство материалов так и не соединили с определённым человеком.

Сестра перелистнула альбом назад и показала другую фотографию — тот же щит, тот же мужчина, только теперь он стоял ближе к краю.

— Я ведь его уже называла. Тогда. Сказала, что это дядя Валера, который шкафчики чинил.

Марина отложила ручку.

— Почему решили, что Валера?

— Все звали Валера. Я потом сама уже не знала. Взрослые

спрашивали: ты уверена? Я уверена была. Мне тринадцать, я знаю, как кого зовут.

— А сейчас?

Женщина отвернула альбом к себе.

— Сейчас мне пятьдесят один. Я могу вам очень уверенно рассказать, как он говорил. Только, может, это другой человек говорил.

В старых материалах имя Валерия действительно имелось. Проверили конкретного работника, установили, что в день исчезновения он уехал с семьёй в другой город. Подтверждалось билетами и несколькими свидетелями. Возле фамилии стояла короткая отметка: «сведения не подтвердились».

Марина прочитала копию на телефоне. Отметка относилась к участию человека в исчезновении, но в поздней справке превратилась в «мужчина на фотографии установлен и проверен». Двух утверждений никто не разделил.

— Вы его потом видели? Валерия?

— На улице видела. Он отворачивался. Я думала, из-за того, что сказала на него.

— Фотографию ему показывали при вас?

Сестра покачала головой.

Она не захотела отдавать весь альбом. Разрешила копировать на месте, вынула два снимка и сложила в отдельный конверт для передачи. У одного угол был надорван; женщина указала на повреждение и попросила записать, что оно

уже имелось.

Марина записала.

— Мама её тогда не послушала, — вдруг сказала хозяйка. — Наташа просила новые сандалии на дачу не надевать. Жалко было. Мама сказала: купили, чтобы носила. Вы представляете, чем потом человек мучается?

Марина не ответила сразу. Женщина сама закрыла альбом и отодвинула от них рабочий ноутбук. На экране шла обычная переписка: сроки, чьи-то таблицы, просьба подключиться к совещанию. Она написала, что сегодня не сможет.

Марина закончила копирование и записала всё, что женщина помнила о клубе. Название предприятия, фамилию воспитательницы, соседей по даче. Часть людей умерла. Одного нашли в Твери.

У двери хозяйка спросила:

— Это он забрал мальчика?

— Мы не знаем.

— Вы скажите, если окажется, что нет. А то я уже решила.

Марина пообещала сообщить результат проверки.

Марина уже взялась за ручку двери, когда хозяйка попросила подождать. На экране её телефона было открыто сообщение. Кто-то прислал фотографию ориентировки Кирилла, а под ней — увеличенный фрагмент из старого снимка Наташи. Мужчина за оградой был обведён красным.

— Это я вчера подруге отправила, — сказала женщина.

— Просто спросила, похож ли. Она работает в редакции, но

я не для редакции.

Подруга спрашивала разрешения опубликовать семейную историю: «Вдруг кто-то узнает». Текст уже был готов. В нём говорилось, что полиция тридцать восемь лет назад упустила похитителя. Имя Валерия не называлось, зато упоминались должность, предприятие и район, где он жил.

— Они всё равно найдут, кто это, — сказала Марина.

— Так я же его и назвала тогда. Не вы придумали.

— А сейчас мы не установили человека на снимке.

Женщина сжала телефон. До этой минуты сомнение было частью разговора на собственной кухне. Теперь от него зависело, появится ли статья, которую могли прочитать тысячи людей. Отказ выглядел почти предательством Наташи: снова убрать фотографию в альбом, снова подождать, пока кто-то другой сделает свою работу.

— Вы не хотите шума?

— Я хочу, чтобы мы не отдали чужую фамилию людям, которые ничего об этом не знают.

— А вдруг он?

Марина вернулась к столу. Не стала просить телефон, села на прежнее место.

— Тогда нам придётся это установить. Статья не сделает фотографию точнее.

Хозяйка открыла переписку и написала подруге: пока не публикуй. Ответ пришёл сразу, несколькими сообщениями. Марина не читала, но видела, как женщина меняется в лице.

— Говорит, потом будет поздно. Сейчас про мальчика все говорят, потом забудут.

— Про Наташу вы не забыли.

— Этого мало оказалось.

Она произнесла это спокойно, и Марина поняла, что спорить с такой фразой нельзя. Можно было только не занимать сторону против неё. Женщина положила телефон и принесла ещё один конверт. В нём лежали копии писем, которые мать рассылала после исчезновения. Не все по делу: письма в газеты, в приёмные, женщине, обещавшей что-то узнать через знакомого.

На одном мать собственноручно исправила «ушла из дома» на «пропала по дороге домой». Сверху другим почерком снова написали первоначальную фразу.

— Мама говорила, если ушла, значит, сама решила. Я потом тоже за это цеплялась. Если сама, может вернуться.

Марина спросила, можно ли сделать копию письма. Хозяйка кивнула, но удержала лист за угол.

— Только это не доказательство, что её забрали. Я теперь понимаю, что вы скажете.

— Это ваше свидетельство о том, что вам отвечали.

Женщина отпустила бумагу. Пока Марина фотографировала конверт, она снова взяла телефон и позвонила подруге. Разговор получился коротким и неприятным. Подруга объясняла, что не будет называть имён, что обведённое лицо всего лишь вопрос, что публика может помочь. Хозяйка

несколько раз повторила одно и то же: «Убери. Я разрешения не даю». Под конец сказала, что больше не пришлёт ей ни одной семейной фотографии.

Закончив, она не выглядела победившей.

— Мы со школы дружим.

Марина убрала копии в папку.

— Можно будет передумать насчёт публикации, когда появятся основания. Сейчас вы решили про сегодня.

Женщина покачала головой.

— Я не хочу, чтобы вы меня успокаивали. Просто сообщите, кого нашли. Даже если я опять назвала не того.

Марина записала номер, по которому лучше звонить. Возле него хозяйка сама приписала время перерыва: с двух до половины третьего. Потом перечеркнула. Сказала, что если будет ответ, можно в любое время.

У двери она вдруг спросила, придётся ли разговаривать с Валерием.

— Возможно. Или с теми, кто его знал.

— Если живой, пусть знает, что это я. Не пишите, будто кто-то посторонний ошибся.

Марина не стала обещать устроить встречу или передать извинения. Сказала, что происхождение сведений будет указано точно. Женщина приняла этот сухой ответ легче, чем попытку утешить. Своё имя она ещё могла поставить рядом с тем, что сделала сама.

На лестнице у неё зазвонил телефон. Воронцов сообщил,

что удалось уточнить летнюю поездку Руслана с Серовым. Сохранилась переписка о ремонте фургона; коллеги собирали адреса, где в те дни работали оба мастера.

— Номер универсала подтвердили, — сказал Алексей. — Руслан модель правильно вспомнил.

Марина посмотрела через грязное окно на двор.

— Значит, хотя бы машину знаем.

— Знаем. Где она сейчас — ещё нет.

Она услышала, как он пишет. Передавать сведения было проще, чем рассказывать, как сестра пропавшей девочки боялась собственной уверенности.

Глава 12

Ремонтная бригада

Человека в Твери звали Анатолий Иосифович. Ему было восемьдесят два, он плохо слышал и сердился на дочь, которая отвечала за него.

По видеосвязи он сперва назвал мужчину на фотографии Валерием. Через минуту передумал.

— Валера рыжий был. Этот не Валера.

Воронцов ждал. Дочь поднесла экран ближе.

— Не угадывайте, — попросил Алексей. — Если не помните, так и скажите.

— Я не угадываю. Я думаю.

Старик ещё раз велел показать фотографию целиком. Увидев дверь клуба, начал рассказывать о протекавшей кры-

ше и о том, как ремонтники поставили ведро прямо на пианино.

Фамилия возникла в середине этой истории.

Орлов.

Старик помнил его по небольшой бригаде, которую присылали на работы. Имени не знал, с Наташей не связывал. Своими глазами ничего подозрительного не видел.

Алексей записал именно это.

Проверка заняла ещё сутки. Фамилия оказалась распространённой даже в пределах одного предприятия.

Первым нашли другого Виктора Орлова. Он работал на том же предприятии, был старше на четыре года и занимался электрикой. Фотография из кадрового дела пришла с подписью «вероятно, искомый». На ней мужчина смотрел прямо, без ветровки, без пятен от листьев.

Воронцов отправил снимок в Тверь. Через несколько минут позвонила дочь Анатолия Иосифовича.

— Он говорит, этот тоже Витя. Только не тот, который крышу делал.

Алексей закрыл глаза. Сутки, потраченные на фамилию, ещё не дали человека.

— А отчество помнит?

— Говорит, у электрика Иванович. Второго не знает.

В запросе на предприятие не было отчества: его не назвал свидетель. В ответ выбрали первую подходящую карточку. Коллега, ездивший в архив, вернулся и попросил проверить

весь алфавитный раздел. Вторая карточка находилась в другом массиве — работников временной бригады.

Это был Виктор Сергеевич, 1951 года рождения. В журнале сохранилась запись о ремонте клуба летом 1988-го.

Сын Виктора Ивановича приехал без приглашения. Его номер удалось найти при первой проверке; услышав, что интересуются работой отца в клубе, он потребовал объяснений. По телефону ему не стали рассказывать о детях. Он приехал выяснить сам.

Мужчине было под шестьдесят. Он работал водителем, смену передвинуть не смог и появился в форменной куртке, с часами поверх манжеты. Сел, не расстёгиваясь.

— Я про отца сразу говорю: он ничего такого не делал.

Алексей посмотрел на Марину. Та убрала со стола фотографии пропавших.

— Мы проверяем, кто именно выполнял работы. Вы знаете, что отец работал электриком?

— Знаю. Я с ним ездил. Он меня в училище устроил. Что вы там слышали?

— Сейчас у нас вопрос о людях на фотографии.

— Покажите.

Ему показали полный снимок, не указывая на мужчину за оградой. Он сразу нашёл знакомую дверь.

— Это после пожара. Там не всё сгорело, так, проводка. Отец щит менял.

— Когда?

— Восемьдесят... Нет, не скажу. Я ещё не женился.

— А кто из людей вам знаком?

Мужчина наклонился, прищурился. Назвал женщину у щита. Спросил, жив ли ещё клуб. Потом ткнул в ветровку.

— Вот этот к нему приставал насчёт инструмента. Не отец это.

— Как звали?

— Тоже Орлов. Они из-за этого всё ругались. Счёт пришёл один раз не тому.

Алексей попросил рассказать про счёт. Мужчина раздражённо махнул рукой: разве это важно? Оказалось, важно было именно то, что он считал ненужным. Отец работал в постоянной службе, второй Орлов приходил с временной бригадой. Один расписывался в журнале у диспетчера, другой иногда привозил бумаги после окончания работы. Совпадение фамилий становилось поводом для мелких ссор, но никому не мешало настолько, чтобы придумывать устойчивые прозвища.

— Они дружили?

— Я же сказал, ругались.

— Можно ругаться и дружить.

Мужчина подумал.

— В гости к нам не ходил. Про другое не знаю.

Марина записала ответ. Он проследил за её рукой.

— Напишите, что не ходил.

— Написала.

— И что отец не на фотографии.

— Это тоже.

Он впервые расстегнул куртку. Под ней оказался свитер с заштопанным локтем.

Воронцов спросил, сохранились ли у семьи бумаги о той работе. Сын ответил, что после смерти матери разбирал квартиру, большую часть выбросил. Осталось удостоверение, несколько грамот и альбом. В альбоме могли быть люди с работы, но он не обещал. Привезти сможет вечером, если отпустят со смены.

— Не надо отпрашиваться. Сотрудник может подъехать в удобное время.

— Жена не отдаст никому. Она вас боится.

— Тогда посмотрим при вас и вернём.

— Мне это уже говорили.

Воронцов не спросил, кто говорил. У человека имелась собственная история общения с людьми за служебными столами. Разбирать её, пока он вспоминал отца, было ни к чему.

На выходе мужчина обернулся:

— А почему именно эту фотографию смотрите?

Марина ответила, что восстанавливают обстоятельства старого исчезновения ребёнка. Он перестал застёгивать молнию. Посмотрел на снимок, где девочка просила снять её в новых сандалиях, но ноги не попали в кадр.

— Тут ребёнок, да?

— Да.

— Я всё на взрослых смотрел.

Он постоял ещё немного, потом сказал, что альбом привезёт сам.

К вечеру альбом уже был у них. На первой странице Виктор Иванович держал сына на плечах; дальше шли фотографии с рыбалки, новогодние ёлки, машина возле строящейся дачи. Среди них лежал отдельный групповой снимок работников. Его отец стоял у края, возле человека, которого сын не знал. Орлова из временной бригады на этом снимке не было.

Фотография помогала окончательно отделить одного Виктора от другого, но не подтверждала личность мужчины возле клуба. Воронцов объяснил это. Сын нахмурился.

— То есть зря привёз?

— Нет. Теперь мы не будем снова возвращаться к вашему отцу из-за одинаковой фамилии.

— Вы бы ещё везде это написали.

Алексей записал и номер снимка, и источник, и то, кто на нём установлен. Когда сын уехал, Марина сказала:

— Он прав. Иначе через неделю кто-нибудь получит первую карточку и начнёт с начала.

Воронцов достал уже подготовленную справку. В ней оставалась формулировка «ошибочно установлен иной работник». Он заменил её двумя полными именами. У ошибки появилась граница: Виктор Иванович был проверен по конкретной причине и исключён по конкретным сведениям.

ям. Виктор Сергеевич оставался тем, о ком ещё предстояло узнать.

Ночью пришла копия журнала. Дата летнего ремонта совпадала с периодом, когда сделали фотографию. На полях кто-то написал «дверь не закрывается» и обвёл дважды. Алексей долго смотрел на эти три слова, прежде чем заставил себя перейти к фамилиям. Дверь могла не закрываться по сотне обычных причин. Нельзя было превращать каждую старую запись в предвестие того, что он уже знал.

Различие подтвердили журналом работ и независимой фотографией: в конце восьмидесятых предприятие готовило стенд к юбилею, часть снимков сохранилась вместе с макетом. На групповом кадре Орлов стоял с тремя мужчинами у разобранного крыльца. Позади была та же дверь, что на снимке Наташи.

— Теперь можно? — спросил Воронцов, положив копии перед Мариной.

— Теперь можно написать, почему мы считаем, что это он.

Он сел за справку. С первого раза получалось слишком гладко: свидетель назвал фамилию, архив подтвердил, человек установлен. Воронцов дописал про Валерия, про двух Орловых и неверную первую карточку. Ошибки удлинители текст, зато теперь было видно, что именно выдержала версия.

Пока они разбирались с фамилией, поиск нынешнего Се-

рова продолжался. Его личный телефон не включался. На работе проверили выдачу инструмента и последние заказы, коллеги объехали известные адреса. Кирилла нигде не видели. Савельев спросил об этом раньше, чем взял в руки старые фотографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.